

ЗОРГЕ

Александр
Куланов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Александр Евгеньевич Куланов
Зорге
Серия «Жизнь замечательных
людей», книга 1804

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67926495

Зорге:

ISBN 9785235047204

Аннотация

6 сентября 1998 года японская национальная газета «Асахи» назвала Рихарда Зорге в числе ста выдающихся людей XX века, несмотря на то что этот человек нарушил японские законы и был казнен как преступник – первым из иностранцев за всю историю современной Японии. Такое признание не случайно, ибо в Японии, как и везде в мире, ценят настоящих героев, и японцы сочли Зорге достойным внесения в этот список. По заслугам ли мы оцениваем Зорге сегодня?

Со времени присвоения ему звания Героя Советского Союза прошло более полувека, исчезла страна, которой он служил, изменились нравственные ориентиры и представления о мироустройстве. Вспоминая Зорге, многие все чаще задаются вопросами: действительно ли он был героем? Прав ли был шеф германской разведки Шелленберг, назвавший Зорге двойным агентом? А может быть, все еще проще: Зорге – сильно

переоцененный бабник и выпивоха, которому лишь приписаны мифические заслуги вроде набившего оскомину предупреждения Сталину о нападении Германии на СССР? И почему, кстати, Сталин ему не верил? Как могла провалиться токийская резидентура «Рамзая», если ее руководитель был таким уж выдающимся разведчиком? И, кстати, что было раньше – до Токио? Ответы на эти и многие другие вопросы содержатся здесь, в этой книге, первой научной, нелицеприятной, но максимально объективной биографии Рихарда Зорге, написанной на строго документальной основе историком Александром Кулановым, отмеченным за свои изыскания в области противостояния японских и советских спецслужб премиями Министерства обороны и ФСБ России.

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	13
Глава вторая	32
Глава третья	52
Глава четвертая	68
Глава пятая	82
Глава шестая	99
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Александр Куланов

Зорге

*О беспощадный рок!
Под этим славным шлемом
Теперь сверчок звенит¹.*

Басё Мацуо. Шлем Санэмори

© Куланов А. Е., 2019

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное
оформление, 2019

Предисловие

Когда мне предложили написать новую биографию Рихарда Зорге для издательства «Молодая гвардия», я сначала ответил отказом и согласился лишь спустя почти год раздумий. Причина нерешительности была проста: слишком уж «неподъемным» казался герой. Сколько всего написано о Зорге, сколько разных авторов брались за перо, пытаюсь создать его образ, сколько существует отдельных направлений, по которым вели свою работу настоящие зоргеведы – можно ли одолеть такую махину одному человеку? И все-таки в конце концов я решился, сознательно рискуя получить упреки в некомпетентности, односторонности или еще в чем-нибудь. Сказал «да» потому, что мне самому вопросы о Зорге задавали и задают довольно часто, и далеко не на все из них мне удавалось ответить не поверхностно и с достаточной степенью уверенности. Я видел, да и теперь то и дело наблюдаю, как многие люди, изначально настроенные к этому герою вполне благожелательно, читая о нем, не могут распутать сюжетов, скрученных в биографии этого человека, разобраться в море книг, в котором, к сожалению, слишком много «макулатуры», не могут выкарабкаться из позднейших попсовых наслоений в его жизнеописании, где миф соседствует с полуправдой, ложью и легендой, и с разочарованием бросают это занятие. Мне захотелось помочь им, по-

мочь самому себе разобраться в истории великого шпиона, и я принялся за работу.

Моментально возникла новая проблема: как писать, что писать? Некоторые знакомые, узнавшие о том, что я «взялся за Зорге», задавали мне один и тот же простой вопрос: «Ну, хорошо, что решился, но ведь тема избитая. Ты не историк разведки, не имеешь доступа к секретным материалам, не можешь опубликовать какую-нибудь хоть плохонькую, но сенсацию. Что о Зорге можно сказать новенького?» Спасибо всем, кто задал мне этот вопрос, потому что ответ на него: «А что вы знаете о Зорге “старенького”?» – стал вторым шагом на пути к этой книге.

Я приступил к чтению бесконечного списка литературы о Зорге и пришел в ужас: оказалось, что основная масса книг представляет собой бесконечные перепечатки лишь нескольких, отнюдь не многочисленных, добросовестных исследований, большая часть которых написана еще в середине прошлого века. В этом «стареньком» оказалось чертовски сложно разобраться из-за позднейших многотонных спекуляций на тему «советского Джеймса Бонда» авторов, бессовестно цитировавших настоящих исследователей-зоргеведов безо всяких ссылок на первоисточник. Стало понятно, что моя задача будет заключаться не столько в нахождении каких-то новых сведений, сколько в очищении и выстраивании стройной вереницы фактов и, по возможности, бесспорных свидетельств, раскрывающих судьбу Зорге максимально четко,

точно, беспристрастно. Итак, моей главной задачей стало написание понятной биографии Рихарда Зорге.

Это не значит, конечно, что книга, которую вы держите в руках, идеальна и объективна – нет. Всякое повествование одного человека о другом всегда субъективно и предвзято. Надеюсь, что каждый читатель, испытывая к моему герою свою меру симпатии или антипатии, создаст индивидуальный образ Зорге. Я лишь постарался, в меру своих скромных сил и способностей, помочь такому читателю «раскопать» в хаосе фактов и вымыслов, свидетельств и сплетен подлинные сведения о жизни Рихарда Зорге – с опорой на те материалы, которые мне самому, как автору, кажутся наиболее заслуживающими доверия. Я постарался дать ссылки на все более или менее важные цитируемые документы и мнения, чтобы выполнить еще одну существенную задачу этой книги: точно указать первоисточники наших знаний о Зорге. Неправильно, несправедливо и недопустимо молчаливое использование этих работ позднейшими компиляторами без ссылок на них и часто с раскачиванием цитат – думаю, Зорге это не понравилось бы.

Немецкий исследователь Юлиус Мадер написал замечательную книгу о своем полусоотечественнике, в которой, естественно, особое внимание уделил германской составляющей биографии Рихарда Зорге. Британские исследователи Фредерик Дикин и Георг Стори постарались взглянуть на дело Зорге максимально объективно, активно используя при

этом материалы американского разведчика Чарлза Уиллоуби, работавшего в послевоенные годы в Токио с японскими документами. Бывший советский военный разведчик и связной Зорге Сергей Леонидович Будкевич сосредоточился на материалах следствия и суда по делу группы Зорге – его работу на эту тему можно считать непревзойденной по сей день. Воспоминания его коллеги Михаила Иванова не столь фундаментальны, но интересны и порой даже лиричны. Замечательный японовед Юрий Владимирович Георгиев постарался досконально разобраться в коминтерновской карьере Зорге и в его деятельности как япониста, а его коллега более молодого поколения – Василий Элинархович Молодяков с характерной для него тщательностью и широким взглядом на проблему отдельно занимался геополитической ипостасью нашего героя. Публицист Владимир Чунихин постарался подойти к истории Зорге и всему о нем написанному с максимальной непредвзятостью, заострив в своей работе (к сожалению, опубликованной только в Интернете) внимание на особо важных биографических моментах, позволяющих под новым ракурсом взглянуть на сложные эпизоды в жизни Зорге и переосмыслить их. На рубеже веков вышел в свет сборник «неизвестных документов» группы Зорге из архивов ряда российских ведомств (составитель Андрей Фесюн). Наконец, в последние годы историк военной разведки Михаил Алексеев опубликовал три настолько объемных и поистине всеобъемлющих тома, посвященных деятельности

Зорге в Китае и Японии, что их можно заслуженно считать лучшим энциклопедическим изданием по данной тематике.

В представленной биографии на все упомянутые и многие другие труды приведены ссылки, и заинтересованный читатель может выбрать, с какими исследованиями стоит ознакомиться подробнее, тем более что формат данного издания ограничивает возможность охватить в повествовании все, что известно о Зорге, даже если писать исключительно о нем. Но ведь он никогда не работал один. Увы, несмотря на то, что в книге, конечно же, идет речь о многих его ближайших друзьях и рьяных противниках, заданный объем работы начисто исключал возможность рассказать в подробностях, а иногда и просто упомянуть многих из тех, кто окружал Зорге в последние 20 лет его жизни. Мне приходилось безжалостно отбрасывать многие второстепенные сюжетные линии и отрезать от канвы повествования характеристики многих персонажей этой драматической истории. Чтобы понять, со сколькими людьми Зорге связывали отношения, достойные стать темой отдельного повествования, достаточно будет сказать, что во время работы в Китае его агентурная сеть включала более девяноста человек, с большинством из которых он был знаком лично. Я лишь постарался по максимуму охватить воспоминания о самом герое, в разное время публиковавшиеся в различных изданиях, дабы с помощью людей, смотревших ему в глаза, воссоздать его портрет – ведь это книга о Зорге, а не о его группе.

В книгу включено множество цитат не только в качестве единственного способа создания документального, а не художественного произведения с опорой на свидетельства очевидцев, факты и документы. В ситуации ограниченного объема цитирование позволяет, как мне кажется, ярче представить богатый и противоречивый исторический фон, на котором не протекала, а бурлила, билась и выплескивалась из берегов жизнь талантливого, честного, неистового и беспокойного, невероятного, но замечательного человека – Рихарда Зорге. Человека, который родился одиночкой, бунтарем, но хотел служить обществу. Который всю жизнь искал таких же, как он сам, потерпел поражение, но умер, так и не разочаровавшись в людях.

Я искренне и глубоко благодарю всех, кто помогал мне в работе над этой книгой: Павла Дмитриевича Белика, Георгия Борисовича Брылевского, Андрея Викторовича Варламова, Сергея Викторовича Гришачева, Константина Александровича Залесского, Марию Кирилловну Залесскую, сотрудников Государственного музея политической истории России Оксану Алексеевну Алексееву, Оксану Олеговну Зайцеву, Ирину Сергеевну Лукашову, Валентину Михайловну Ушакову, Светлану Андреевну Ходаковскую и многих, многих других людей, которые сделали возможным появление этой книги.

Отдельная благодарность моему постоянному редактору Марии Николаевне Бересневой, проверившей многие фак-

ты, на которые у автора «не хватало рук», и выполнившей массу переводов с немецкого языка.

Перевод с японского воспоминаний подруги Зорге Исии Ханакко осуществила Анна Борисовна Делоне, за что автор особенно признателен ей и надеется, что с ее помощью русскоязычный читатель еще познакомится с этой, пока не опубликованной на русском языке, биографией полностью – мы все ждем этого.

Все японские и китайские фамилии и имена приводятся по дальневосточной традиции: сначала фамилия, затем имя, за исключением нескольких случаев в цитировании документов. Весь курсив в тексте – авторский, другие выделения текста оговорены особо.

Во всех цитатах сохранены орфография и пунктуация оригинала.

Глава первая

Беспокойное семейство

Сегодня, когда имя Рихарда Зорге известно во всем мире, приходится сталкиваться порой с самыми необычными суждениями о его биографии. Одно из них таково: Зорге – великий... азербайджанский разведчик XX века. В самом деле, сегодня уже не все задумываются над тем, что никакого государства Азербайджан во время рождения Зорге на свете еще не было, а вот то, что будущий великий шпион Азербайджана, знает каждый. Но как вообще он там оказался, точнее, каким ветром занесло его родителей в Закавказье? Надо сказать, история эта сама по себе непростая, отчасти даже детективная. Разумеется, она уже привлекала внимание и многочисленных авторов во всем мире (как правило, никогда не бывавших в Баку), писавших биографии знаменитого разведчика, и местных краеведов, для которых эта тема – редкая возможность выйти со своими изысканиями на международный уровень. Возможно, поэтому в первом случае чаще всего описываются нефтяные богатства Каспия, а во втором – детали проживания семьи Зорге в Баку. Если же мы сложим усилия этих исследователей, то сможем узнать много интересного о славном германском роде Зорге вообще и о

его закавказской ветви в частности. И пусть не вводит читателя в заблуждение почти библейское перечисление предков нашего героя – оно имеет свой смысл. Стоит лишь набраться терпения, и станет понятно, как оказались связаны судьба советского разведчика и провизорско-духовная карьера его пращуров.

Сама по себе фамилия *Sorge* (так она пишется по-немецки) имеет значение «забота», «тревога», «беспокойство о ком-нибудь». Происходило беспокойное семейство Зорге из Восточной Тюрингии, имперского княжества Шварцбург-Рудольштадт, где располагался небольшой городок Витгендорф. В этой местности многие семьи издавна занимались сбором лекарственных растений, которые потом соответствующим образом обрабатывали и торговали снадобьями по всей Тюрингии и Саксонии. К одной из таких семей относились и Зорге, род которых можно проследить до XVII столетия².

Прапрапрадед нашего героя – Иоганн Михаэль Зорге был сыном провизора из Шварцбурга и сам стал местным фармацевтом, а один из его сыновей – Георг Вильгельм, родившийся в 1797 году в Шильдау, в Саксонии, получил богословское образование и место пастора в Чорневице, к востоку от Лейпцига. В 1825 году Георг Вильгельм числился священником в евангелической общине Святой Марии в Шильдау, а позже служил в общинах Бетау и Наудорфа округа Торгау.

---

² Мадер Ю. Репортаж о докторе Зорге. Берлин, 1988. С. 8, 21.

Пастором Зорге оказался неспокойным. В Бетау он неосторожно выразил симпатии сектантам-квакерам, что не вызвало радости у церковного начальства. Более того, пастор почувствовал вкус к публичным выступлениям не под сводами храма, а на городских площадях, и когда в начале 1848 года до Саксонии докатилось эхо европейских революционных событий, Вильгельм Зорге вместе с сыновьями радостно приветствовал перемены. Пастор, как можно прочесть в мемуарах еще одного известного Зорге, Фридриха Альберта Адольфа, двоюродного деда нашего героя, «активно участвовал в революционном движении в нашем родном округе между Эльбой и Мульдой в Саксонии, он был одним из популярнейших ораторов во время народных собраний на рынках и площадях». Одно время даже его дом в Чорневице использовался подпольщиками в качестве перевалочного пункта для тайной переправки революционеров из Восточной Европы во Францию. Причем переправляли их по секретному «метро» – подземной железной дороге, которую мятежники построили сами и где дом пастора Зорге служил одной из станций³. Бурную деятельность первого бунтаря из рода Зорге смогла прервать лишь смерть в 1887 году. Он был погребен в городе, связанном с именем другого возмутителя германского спокойствия – Мартина Лютера – в Виттенберге.

Старший сын пастора родился 5 апреля 1825 года в Бе-

---

³ Там же. С. 19–20.

тау и получил имя Готхольд Вильгельм. Придерживавшийся передовых для своего времени взглядов отец дал сыну имя в честь немецкого драматурга XVIII века Готхольда Эфраима Лессинга – масона, одного из основоположников немецкой классической литературы, тоже бывшего сыном священнослужителя. Готхольд Вильгельм Зорге выбрал традиционную семейную профессию. Он окончил медицинское отделение Университета Эберхарда и Карла в Тюбингене и стал дипломированным врачом-хирургом, кандидатом медицины и, отказавшись от государственной службы, занял частную практику все в том же саксонском городке Шильдау, неподалеку от крепости Торгау. Готхольд Вильгельм был женат дважды. Мы ничего не знаем о первой его жене, а в 1851 году он сочетался законным браком в Берлине с дочерью фармацевта Магдаленой Наталией Мюллер. Там же, в Берлине, чета завершила свой земной путь.

Сын хирурга Густав Вильгельм Рихард Зорге родился 6 апреля 1852 года в городке Веттине на реке Зале в Саксонии-Анхальт. Там, в общине Веттина сохранились документы и о крещении, и о смерти этого человека, а в других общинах Саксонии и Тюрингии с немецкой тщательностью собираются материалы о других предках советского разведчика, ибо Густав Вильгельм Рихард Зорге – отец нашего героя – Рихарда Зорге.

Но, кроме старшего сына, ставшего врачом, у пастора Готхольда было еще двое наследников. Средний сын Гер-

ман Генрих родился 4 сентября 1826 года в Бетау и стал столяром-краснодеревщиком. Будучи еще молодым человеком, он участвовал в вооруженном восстании в Бадене, но затем занялся торговлей, поселился в Бадене, оттуда переехал в Мюнхен, а после и вовсе отправился в Америку, где в 1913 году тихо скончался в возрасте восьмидесяти семи лет в городке Рингвуд, штат Нью-Джерси.

Младший – Фридрих Альберт Адольф родился 9 ноября 1828 года в Бетау. Именно этого своего предка знаменитый разведчик уважал особо, называя его на склоне собственного жизненного пути просто Адольфом Зорге. Резко выраженная у обоих фамильная черта – беспокойство за весь род человеческий – крепко сблизила юного Рихарда и его двоюродного деда, хотя последний, конечно, и не знал о преклонении перед ним внучатого племянника. Фридрих Адольф, получивший музыкальное образование, обожающий классика Бетховена и своего современника Вагнера, не смог найти себя в преподавании музыки в тихом саксонском городке. Бунтарский дух отца-пастора привел Фридриха Адольфа к местным революционным группам, о чем стало известно властям. Бывший учитель музыки стал организатором восстаний жителей Бадена и сам с оружием в руках оказывал сопротивление прусской армии, направленной на подавление мятежа. Когда мятеж все же был подавлен, в 1849 году сын пастора был назван в числе заговорщиков и заочно приговорен к смертной казни. Заочно, потому что он не стал ждать

развития событий и кинулся в бег. Сначала его следы нашлись в Швейцарии, но и там властям не захотелось связываться с опасным музыкантом. Поэтому Зорге пришлось отправиться в Бельгию, а оттуда он перебрался в Британию. Именно там в 1852 году судьба свела его с другим невольным мигрантом из континентальной Европы – Карлом Марксом.

Только что обосновавшийся в Лондоне автор «Манифеста Коммунистической партии» в то время как раз приступил к обоснованию своей теории о неизбежной победе рабочего класса во всем мире. Неясно, встречался ли в Лондоне Фридрих Адольф Зорге с ближайшим соратником Маркса Фридрихом Энгельсом – последний работал в тот период в торговой компании в Манчестере. Но слышать о нем от Маркса Зорге должен был обязательно. И всё же знакомство, пусть и половинчатое, с будущими лидерами мирового коммунистического движения изменило всю дальнейшую жизнь сына пастора и серьезно повлияло на судьбу еще не родившегося тогда Рихарда. Из Лондона Фридрих Адольф отправился на пароходе в Америку, где спустя пять лет стал основателем и лидером Американского коммунистического клуба – предтечи Коммунистической партии Соединенных Штатов.

В будущем беспокойный учитель музыки вошел в число важнейших сотрудников 1-го Интернационала, в котором организовал его американские секции, а в 1872 году он был избран секретарем Генерального совета, базировавшегося в Нью-Йорке. Еще в 1868 году сам Маркс писал о Зор-

ге: «Рекомендуем г-на Зорге всем друзьям Международного товарищества рабочих и одновременно уполномочиваем его действовать от имени и в интересах этой организации»⁴. Международное товарищество рабочих – это 1-й Интернационал. Полвека спустя, в команде уже 3-го Интернационала, за счастье мирового пролетариата будет бороться его внучатый племянник. Но пока, после раскола первой организации, Фридрих Адольф Зорге занялся созданием Социалистической партии Соединенных Штатов, написал несколько книг по теории рабочего движения, став ближайшим сотрудником для его лидеров – Фридриха Энгельса, Августа Бебеля и Вильгельма Либкнехта.

Краевед Тамара Филипповна Гумбатова приводит отрывок из статьи Франца Мэринга, опубликованной в «Die Neue Zeit» в октябре 1906 года, характеризующий Фридриха Адольфа Зорге как деятеля, «всегда полного энергии и непоколебимой верности своим идеалам. Это был человек почти застенчивой скромности. Но при этом он не только не боялся никаких жертв, но даже имел потребность ставить свои идеалы впереди собственного “Я”. Он пользовался безграничным доверием лучших из величайших борцов, стоящих в первых рядах освободительного движения»⁵.

Его потомок таких деталей, очевидно, не знал, и в авто-

---

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Гумбатова Т. Ф. Неизвестные страницы бакинской жизни семьи Зорге. – <http://www.proza.ru/2012/04/11/1798>. Дата обращения 20.11.2017.

биографии, написанной перед началом работы в московском штабе Коминтерна, историю рода сформулировал кратко: «Семья моего отца является семьей потомственных интеллигентов и в то же время семьей со старыми революционными традициями. И мой родной дед, и оба моих двоюродных деда, в особенности Фридрих Адольф Зорге, были активными революционерами накануне, во время и после революции 1848 года»⁶. Не вполне понятно, о каком революционном прошлом своего деда-хирурга писал Рихард. Возможно, в его семье существовали рассказы о тайной революционной деятельности или, по крайней мере, симпатии к ней со стороны Готхольда Вильгельма Зорге. «Я знал, что мой дед участвовал в рабочем движении, но я знал также, что взгляды моего отца были диаметрально противоположны взглядам деда», – продолжал Зорге в так называемых «Тюремных записках». Но кого он имел в виду: родного деда или двоюродного? Дальнейшие упоминания арестованного разведчика о своем знаменитом предке наводят на мысль, что все-таки двоюродного. Судите сами: рассказывая о попытке неудачной вербовки в лагерь социалистов их лидером Филиппом Шейдеманом, Рихард Зорге замечал, что она была предпринята с использованием имени двоюродного деда: «...не хочу ли я, как потомок Адольфа Зорге, примкнуть к движению (социалистов, а не коммунистов. – А. К.), но я, конечно, решительно отказался». Еще позже, осенью 1923 года,

---

⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 5152. Л. 52.

Рихард встретился в Германии с Давидом Борисовичем Рязановым – одним из авторитетнейших русских социалистов, основателем и директором московского Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Кто-то из членов делегации, которую возглавлял Рязанов (не исключено, что он сам, и уж во всяком случае это было сделано с его ведома), попросил Зорге «собрать информацию о политическом литературном наследстве Адольфа Зорге, который работал секретарем I Интернационала, созданного Марксом». К этому предложению присовокуплялось и еще одно, куда более серьезное: «Рязанов пригласил меня в этот институт [Маркса и Энгельса], но руководители Германской коммунистической партии тогда непустили меня»⁷. Непонятно, передал ли в итоге Рихард Зорге что-либо из архива своего двоюродного деда Рязанову или нет, но де-факто первый вербовочный заход к нему из Москвы был совершен под прикрытием близости внучатого племянника идеям своего предка.

Еще одна загадка связана с документами, найденными, по мнению Фредерика Дикина и Георга Стори, при обыске у Зорге во время его ареста в 1941 году: это было «брачное свидетельство брата его деда по отцу Георга Вильгельма Зорге, родившегося в Торгау»⁸. Предположение авторов о том, что документ мог понадобиться при вступлении Ри-

---

⁷ Тюремные записки Рихарда Зорге // Знаменитые шпионы XX века. М., 2001 (Военные тайны XX века). С. 575, 583, 585.

⁸ Дикин Ф., Стори Г. Дело Рихарда Зорге. М., 1996 (Секретные миссии). С. 25.

харда Зорге в нацистскую партию, звучит вполне обоснованно. Непонятно только, о ком именно из родственников идет речь, но, скорее всего, это не двоюродный дед, а прадед – тот самый беспокойный пастор из Шильдау, что действительно родился недалеко от Торгау и которого трудно было бы упрекнуть в симпатиях коммунистическим идеям из-за давности лет. Тем более что семью самого Рихарда и потомков деда-социалиста, умершего в 1906 году в американском штате Нью-Джерси, практически ничего не связывало. «Наша семья была несколько чуждой для клана Зорге»⁹, – вспоминал разведчик в тюрьме, и это отчуждение, возможно, было вызвано слишком долгим пребыванием отца Зорге в России.

Известно, что, когда Густаву Вильгельму Рихарду Зорге пришло время выбирать профессию, он отказался учиться на медика. Не пошел он и по духовной стезе. Гуманитарное образование, которое предпочел его дядя Адольф, тоже не прельстило юношу. Догадываясь о том, как с изобретением парового двигателя изменится в ближайшем будущем жизнь, молодой Зорге решил стать инженером и взялся изучать горное дело. Тогда в Саксонии было еще немало шахт, уголь добывали постоянно растущими темпами, и такая работа представлялась перспективной. Густав Вильгельм работал в научной библиотеке горного управления в родном Веттине, прошел практику на местной каменноугольной шахте, располагавшей передовым по тому времени оборудованием, но вско-

---

⁹ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 575.

ре стало очевидно, что горная промышленность Германии стоит на грани краха, и, по мнению целого ряда историков, Зорге отправился за океан, в Америку¹⁰.

Существует, однако, интересная версия о том, что «Америкой» для Зорге-старшего могла стать... Россия. По сведениям журнала «Нефтяное дело» за 1908 год, в 1875 году 23-летний Густав Вильгельм окончил академию и прибыл не в Нью-Йорк, а в Малороссию, где поступил на службу в технический отдел Харьковско-Николаевской железной дороги. По данным этого специализированного издания, в Харькове молодой немец пробыл два года и, очевидно, использовал это время и для изучения русского языка. Во всяком случае, когда он в 1877 году прибыл в Баку, то представлялся уже вполне по-русски: Рихард Васильевич, в документах добавляя к этому «он же Вильгельмович»¹¹. Итак, отца «нашего» Рихарда Зорге в России, в Баку, тоже звали Рихардом.

Работать он приехал в место, которое справедливо называли «нефтяным Клондайком». За недели здесь делали состояния, за день их теряли. Тысячи рабочих шли сюда пешком из России и Ирана, десятки и сотни инженеров и предпринимателей неслись в Русское Закавказье в вагонах первого, второго, третьего класса, спешили, боясь не успеть запрыгнуть в буквальный смысле в счастливый вагон, добились, как могли, искатели приключений всех сортов. В

---

¹⁰ Мадер Ю. Указ. соч. С. 9.

¹¹ Гумбатова Т. Ф. Указ. соч.

краю, где лишь три процента населения были грамотными, выходцы из Швеции братья Нобель создали крупнейшую компанию с нефтяной вертикалью власти. «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель» делало всё: искало нефть, бурило скважины, добывало нефть, перерабатывало ее, перевозило и продавало. Организовано это было на максимально высоком для конца XIX века технологическом уровне. И, если в 1872 году, за год до прихода Нобелей, здесь за год накачали десять тысяч тонн «черного золота», то в 1880-м здесь работало уже 195 (!) нефтеперегонных заводов, дававших миллион тонн очищенного продукта. По Каспию ходил первый в мире нефтеналивной танкер «Зороастр», на участке Балаханы – Черный город работал первый в стране нефтепровод, а построенные там же цилиндрические нефтехранилища оказались и вовсе первыми в мире. Так что для толкового немецкого инженера работы здесь было невпроворот.

Другое дело, что быт, пресловутая суровая проза жизни на бакинских «нефтяных приисках», скорее устрасал, чем манил. Побывавший здесь в 90-х годах XIX века Максим Горький живописал увиденное: «Нефтяные промысла остались в памяти моей гениально сделанной картиной мрачного ада. Эта картина подавляла все знакомые мне фантастические выдумки устрашённого разума, все попытки проповедников терпения и кротости ужаснуть человека жизнью с чертями, в котлах кипящей смолы, в неугасимом пламени

адовом.

...Я увидел вершины вышек, воткнувшиеся в дым, мне именно так и показалось: над землей образована другая земля, как бы второй этаж той, на которой живут люди, и эта вторая земля, расширяясь, скоро покроет небо вечной тьмой. Нелепое представление усилилось, окрепло при виде того, как из одной вышки бьет в тучу дыма фонтан черной грязи, точно землю стошнило и она, извергая внутреннее свое, расширяет дымно-масляную крышу над землей...»¹² Что и говорить, картина страшная, но, напомним, Рихарду Васильевичу было всего 25 лет, когда он сюда приехал, и все эти ужасные визуальные эффекты не должны были смутить предприимчивого немца.

Молодой инженер устроился на работу в качестве нефтяного мастера в механических мастерских Отто Ленца, располагавшихся в поселке Сабунчи, что километрах в двадцати от Баку. Два немецких мастера быстро нашли общий язык и в жизни, и в работе. Вместе работали над «расширителем Зорге – Ленца», нефтяным топливом для пароходов, другими проектами. К 1883 году оба уже так прижились в Баку, что, в отличие от намного раньше обрусевшего Людвиг Нобеля, считались здесь не иностранцами, а своими – русскими – инженерами. С 1879 года Рихард Васильевич Зорге стал членом Бакинского отделения Русского технического общества, основанного все тем же Нобелем, и примерно в это же

---

¹² Горький М. По Союзу Советов // Наши достижения. 1929. № 1. С. 13.

время женился. Неизвестно, когда точно это произошло, но уже в начале 1880 года у Зорге и его супруги – лютеранки Анны Керн родился сын Вальтер Зорге. Нам также неизвестно, что случилось дальше, но 1 ноября 1882 года Вальтер умер, а уже 24 апреля следующего года Рихард Васильевич сочетался вторым браком с русской подданной, православной Ниной Семеновной Кобелевой. Венчание прошло в Николаевском соборе в Баку, а невесте только за четыре дня до свадьбы исполнилось 16 лет.

Нина Кобелева происходила из рода казенных крестьян Рязанской губернии и имела трех сестер и двух братьев: Екатерину, Ольгу, Дарью, Константина и Тимофея. Так что русская родня нашего героя была не менее многочисленна, чем германская, и по сей день в нашей стране живет очень много дальних родственников знаменитого разведчика, и время от времени в прессе появляются сообщенные ими детали жизни семей Зорге и Кобелевых столетней давности.

К тому времени Зорге окончательно обосновался в Сабунчах, где построил дом на берегу соленого озера и по-прежнему работал с Отто Ленцем в мастерских напротив местной железнодорожной станции. В 1890 году купил там участок земли, примерно тогда же – землю под дачу в поселке Аджикенд, где летом было прохладно, в 25 километрах от города Гянджи (в те годы – Елизаветполя). Дом отстроили к 1893 году. Как сказали бы сегодня, окреп и бизнес Рихарда Васильевича. Немецкий инженер стал здесь не просто своим,

но и очень уважаемым человеком в Баку, много занимался не только профильной – инженерной работой, но и благотворительностью, и обустройством общественной жизни на западноевропейский манер. Добился утверждения поста мирового судьи в Балахано-Сабунчинском районе, участвовал едва ли не во всех крупных мероприятиях этого главного индустриального района Закавказья. Так что «русская история» семьи Зорге оказалась много крепче и в разы длиннее, чем до сих пор было принято об этом думать. В общей сложности на три десятилетия Рихард Васильевич оказался связан с Баку, с Азербайджаном, с Российской империей. Три десятилетия жил не только заботой о собственной прибыли, но и о развитии науки и техники в этой стране и даже участвовал в съезде нефтяников, проходившем под лозунгом: «Мы осветим весь мир и смажем всю Европу!», где выступил против американского проекта экспорта нефти из Баку, полагая, что «нефтепровод должен служить непременно развитию нефтепромышленности внутри России и не способствовать вывозу нефти за границу».

В доме у озера 19 февраля 1884 года родился и первый ребенок Рихарда Васильевича и Нины Семеновны – Вильгельм. В будущем он примкнет к немецким социал-демократам, и о его судьбе после Второй мировой войны ничего не известно. 7 января 1886-го на свет появилась дочь Маргарита. 9 июля 1887-го родился второй сын – Герман, который проживет спокойную жизнь (насколько это было возможно

в Европе XX века) инженера-химика и скончается в Майнце в 1958 году. 17 января 1889 года – вторая дочь, Наталия. 21 июня 1890-го – третий сын, Георгий (о нем, как и об остальных членах семьи Зорге, практически ничего не известно), а 20 июня 1892-го – четвертый, Мартин. 31 августа 1893 года родилась третья дочь, Анна. 4 октября 1895 года на свет появился пятый сын – Рихард Зорге.

Как ни странно, до сих пор не понятно до конца, как на самом деле звали будущего разведчика и где именно он появился на свет. Известно, что он любил, когда его называли Ика. Скорее всего, это детское имя – сокращение от сложного «Рихард», которое трудно было выговаривать маленькому ребенку и которое со временем настолько «прилипло» к нему, что стало вторым именем. Несколько странно, что взрослый Зорге подписывался так, в том числе в официальных документах: *I. K. Sorge, Ika Sorge, Ika-Richard*. В некоторых документах, в том числе коминтерновских, он то Ика Рихардович, то Рихард Рихардович. Впрочем, в европейских языках, и немецкий – не исключение, имя не является такой жесткой языковой нормой, как в русском. Человек может называть себя так, как он хочет, в том числе и в некоторых официальных документах. Нам хорошо знаком этот прием по некоторым актерам, часто использующим в качестве собственного бренда уменьшительные или детские имена: Чак, Джонни, Денни и т. д. Нашему герою, похоже, очень нравилось его детское имя, и он охотно использовал его как

свой «бренд» вплоть до середины 1930-х годов¹³.

Есть и другая версия происхождения имени «Ика» в документах. Как полагает Тамара Гумбатова, это могло быть связано с лютеранской традицией давать ребенку несколько имен. Ведь и отца нашего героя звали «в три приема»: Густав Вильгельм Рихард. Возможно, имя, данное его сыну при крещении, тоже звучит как, например, Иоганн Карл Рихард. Но до сих пор запись о крещении младшего Зорге не найдена (его братья и сестры были крещены кто в лютеранской, кто в православной церкви), и пока нам остается только гадать, как и почему точно Ика стал Рихардом (или наоборот), и что все это значит.

Известно, что семья Зорге подолгу жила в «летнем имении», на даче, построенной, как мы помним, незадолго до рождения Рихарда-младшего, и это неудивительно. Дача была настолько хороша, что о ней даже написала местная газета: двух-трехэтажное строение из десяти комнат, с прекрасным видом на лесистые горные окрестности и водопроводом, способная вместить до сорока человек. Но действительно ли там родился Рихард Рихардович, по-прежнему неизвестно¹⁴.

---

¹³ Есть и совсем уж необычная версия возникновения имени «Ика». Ее приводит Элизабет Порецки: «Рихард Зорге представлялся друзьям Икой – по начальным буквам Коммунистического интернационала молодежи (он был его немецким делегатом)». Но это, скорее всего, либо шутка самого Ики, либо выдумка Порецки. См.: *Порецки Э. Тайный агент Дзержинского*. М., 1996. С. 198.

¹⁴ Не все понятно и с известным фото семьи Зорге, подлинник которого был предоставлен когда-то одной из родственниц его матери журналистам, после че-

Впрочем, так или иначе, это территория Российской империи, ставшая в 1991 году частью независимого Азербайджана. Так что в каком-то смысле Рихард Зорге действительно – великий азербайджанский разведчик. Во всяком случае, прекрасный памятник ему сооружен в Баку по праву, и Азербайджан имеет все законные основания гордиться таким земляком.

В год рождения своего девятого ребенка Рихард Васильевич был переизбран членом «Технической по охране бакинских нефтяных промыслов комиссии». Переизбрали его и в следующем, 1896 году, стал он членом комиссии и в 1897-м, когда отметил двадцатилетие своей деятельности в Баку. По сведениям Юлиуса Мадера, это стало пределом физических возможностей работы Рихарда Васильевича в Закавказье. Здоровье 45-летнего инженера дало сбой, это совпало со смертью его матери в Берлине и необходимостью вступления в наследство. На рубеже 1897–1898 годов было принято решение о переезде в Германию. В газеты дали объявления о продаже имущества Зорге, в том числе и дачи в Аджикенде. 3 марта земля и дом в поселке Сабунчи «ушли» за 95 тысяч рублей серебром. Механический завод удалось продать только под залог почти в 200 тысяч рублей. Дачу продать не удалось вовсе, и еще два года она сдавалась

го бесследно исчез. Считается, что на нем изображен годовалый Рихард, но, по мнению Т. Ф. Гумбатовой, снимок сделан раньше, и «главный герой на нем» – его старший брат Георгий. См.: *Гумбатова Т. Ф.* Указ. соч.

в безвозмездное пользование летней колонии женского бакинського училища. В апреле 1898 года семья Зорге покинула Баку. Рихарду-младшему в то время не исполнилось еще и трех лет.

Глава вторая

Германский путь

«До войны я провел достаточно благополучное детство, присущее классу зажиточной буржуазии. Наша семья не испытывала никаких материальных затруднений. Однако кое в чем я отличался от обычных сверстников. Я остро переживал, что родился я на Южном Кавказе и был привезен в Берлин в очень раннем возрасте»¹⁵, – вспоминал Зорге. Его благополучное немецкое детство началось в приличном берлинском пригороде Ланквиз, на Моцартштрассе, 29, – в доме, который бывший бакинский инженер, а ныне директор банка при «Германско-русском обществе по импорту нефти» Рихард Васильевич Зорге купил для своей семьи¹⁶. Параллельно с кредитно-финансовой деятельностью банкир продолжал заниматься инженерной работой, с научной точки зрения описав и обосновав три способа добычи нефти: тартальный, насосный и компрессорный, – и предпринимательством. Деловые связи с Россией не прерывались, и летом – осенью 1899 года, а затем и в 1900 году Рихард Васильевич

---

¹⁵ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 575.

¹⁶ *Мадер Ю.* Указ. соч. С. 9—11. По некоторым свидетельствам, офис Зорге находился в соседнем доме: номер 33.

побывал в Одессе и Баку в служебных командировках¹⁷. Дача в Аджикенде все еще принадлежала семье, и Зорге снова передал ее на лето в безвозмездное пользование женскому училищу. Ее так и не удалось продать, а в 1904–1905 годах Зорге-старший постарался свернуть все свои дела на Кавказе из-за обострившейся революционной обстановки в этом регионе. Возможно, именно неприятности, связанные с Россией, тревога за судьбу дела, подвергавшегося серьезной опасности из-за революционных мятежей, приблизили и конец инженера Зорге. «Отец был ярким националистом и империалистом и всю жизнь не мог избавиться от впечатлений, полученных в молодости при создании Германской империи во время войны 1870–1871 годов. Он всегда сохранял в памяти потерянные за рубежом капитал и социальное положение», – писал о нем знаменитый сын, забывая при этом, что, несмотря на потерянные капиталы, их семья, мягко говоря, не бедствовала даже в голодные годы мировой войны. «Потерянные за рубежом» – это в России, но социальное положение берлинского директора банка вряд ли можно считать менее высоким, чем у инженера из захудалого азиатского поселка Сабунчи. Нельзя не заметить, что и распространенные рассказы о том, что в семье Зорге были два языка общения – русский и немецкий, что дома часто вспоминали жизнь в России, ничем не подкреплены и, скорее, опровергаются дальнейшей биографией нашего героя, чем подтверждаются

---

¹⁷ Гумбатова Т. Ф. Указ. соч.

ею. Например, в личном деле ответственного сотрудника Коминтерна Рихарда Зорге-младшего упомянуто, что он свободно говорит по-немецки, по-французски и по-английски, а вот по-русски – только читает¹⁸.

Так или иначе, но, как сообщил об этом бакинский журнал «Нефтяное дело», «1 декабря 1907 года в возрасте 55 лет в Берлине в Гросс-Лихтенфельде от инсульта скончался старый бакинский техник, инженер-механик Рихард Васильевич Зорге»¹⁹. Полгода спустя его старший сын Вильгельм, верный сыновнему долгу, издал отдельной книгой научные труды Рихарда Зорге-старшего. Это случилось в то же самое время, когда Рихард-младший впервые столкнулся с революционным движением на своей второй родине.

К 1902 году семья Зорге переехала в берлинский район Штеглиц, на Гогенцоллернштрассе, 5. Здесь Рихард пошел в реальное училище, причем в 1908 году стал второгодником, но не по причине недобросовестности в занятиях, а из-за болезни. Впрочем, и с учебой было не все гладко. «... у меня в детстве была одна странная особенность, – вспоминал Зорге: я отличался от обычных детей, как и все мои братья и сестры. Я был плохим учеником, недисциплинированным в школе, упрямым, капризным, болтливым ребенком. По успехам в истории, литературе, философии, политологии, не говоря уже о физкультуре, я был в верхней по-

---

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 5152. Л. 23.

¹⁹ Гумбатова Т. Ф. Указ. соч.

ловине класса, но по другим предметам ниже среднего уровня. В 15-летнем возрасте у меня очень развился интерес к Гёте, Шиллеру, Лессингу, Клопштоку, Данте и другим произведениям (так в тексте. — А. К.), а вдобавок пристрастился, даже не понимая ничего, к истории, философии и Канту. Из истории мне особенно полюбились периоды Французской революции, Наполеоновских войн и эпоха Бисмарка. Текущие германские проблемы я знал даже лучше, чем обычные взрослые люди. В течение многих лет я детально изучал политическую ситуацию. В школе меня даже прозвали премьер-министром».

Считается, что именно тогда и там, около 1910 года, бывший бакинец, ученик старших классов реального училища Рихард Зорге (отныне под этим именем мы будем иметь в виду только его) впервые определяется со своими политическими пристрастиями. Конечно, это был еще в значительной степени детский выбор, возможно, окрашенный элементами конфликта ребенка из благополучной буржуазной семьи с недостаточно «передовым», по его мнению, отцом. Возможно. Тем более что и до Германии докатывались слухи о неудавшейся революции в стране, откуда, за исключением отца, была родом вся семья Зорге. И первым склонность к участию в борьбе за расшатывание существующего строя проявил вовсе не младший Рихард, а его брат Вильгельм — тот самый, что почтительно издал труды отца. «Мой старший брат стал левым экстремистом. Я помню, что у него были

крайне анархистские наклонности, сформировавшиеся под влиянием трудов Ницше и Штейнера. Я долгое время был членом атлетической ассоциации рабочих и поэтому у меня были с рабочими постоянные связи. Но как у школьника, у меня не было никакой четкой политической позиции. Я был заинтересован только в приобретении политических знаний и совсем не думал этим определить как-то свою личную позицию, да и возможностей так поступать не было», – писал Зорге в воспоминаниях.

Процесс самоопределения и выработки личной позиции затянулся на несколько лет. Толчком для окончательного решения стал крупнейший мировой кризис – Первая мировая война. Для семьи Зорге, далеко не в последнюю очередь для Рихарда, которому в 1914 году исполнилось 19 лет, это был кризис особого рода: на полях сражений не на жизнь, а на смерть сошлись две его родины. Выбор, за кого воевать, не стоял: Рихард был гражданином Германии и настоящим берлинцем. Но интересно, что Бакинское уездное по воинской повинности присутствие (выражаясь современным языком – военкомат) среди лиц, подлежащих призыву для исполнения воинской повинности в 1913–1914 годах, разыскивало сына инженера-механика Р. В. Зорге – Мартина, одного из старших братьев Рихарда²⁰. По извечной российской рассеянно-

---

²⁰ По данным Т. Ф. Гумбатовой. Позже, по закону от 13 декабря 1915 года о ликвидации немецких землевладений на территории Российской империи, разыскивали и национализировали принадлежавшие отцу Зорге земли в районе поселка Нафталан.

сти забыли вычеркнуть убывшего в Европу призывника? Рихард же пришел в аналогичный прусский «военкомат» сам, добровольно.

Летом 1914 года он возвращался с каникул, проведенных в Швеции. Юноша-переросток, вынужденный два года просидеть в пятом классе, по возрасту подходил в рекруты, несмотря на неоконченное училище, и был рад этому. Ему хотелось воевать, стать героем, страдать, может быть, даже умереть во имя Великой Германии. Он был просто мальчишкой – сильным, смелым и не слишком разумным в силу своего возраста. Ультрапатриотические настроения (по отношению ко второй родине, конечно) быстро затмили недавние модные размышления о социальной справедливости. Император Вильгельм обратился с воззванием к народу, в котором требовал защитить родину от коварного врага. Задуматься не было ни времени – оно было заполнено поглощением пропаганды, ни сил – они были сломлены пропагандой, ни желания – оно было подменено пропагандой, и Зорге отправился на войну с радостью и искренним энтузиазмом.

«Не сообщив в школу и не сдавая выпускных экзаменов, я тут же подал заявление в армию и поступил на военную службу. Если говорить о причине, побудившей меня решиться на такое бегство, то это горячее стремление приобрести новый опыт и освободиться от школьных занятий, желание освободиться от бездумной и совершенно бессмысленной жизни 18-летнего юноши, а также всеобщий ажиотаж, по-

рожденный войной. Я не советовался ни со старшими, ни с матерью, ни с другими родственниками (отец умер в 1911 году²¹). Сразу же после начала войны я прошел неполную шестинедельную подготовку на учебном плацу под Берлином, и тут же был отправлен в Бельгию, и принял участие в сражении на реке Изер. Можно сказать, что это был период перехода “из школьной аудитории на поле сражений”, “со школьной скамьи на бойню”».

Принятую в кайзеровской армии «неполную подготовку» Рихард прошел в запасном батальоне 91-го пехотного полка. Помимо упражнений на плацу, остальное обучение тоже было несложным: «Пулю в лоб французу, штык – Ивану в пузо!» Вкупе с непритязательной, а оттого извечно верной идеологической парадигмой «Сила дает право» и слоганом, еще не ставшим строкой гимна «Германия превыше всего», этого должно было хватить новобранцам на первое время боев. Медлить было нельзя: война быстро становилась позиционной, невыгодной Германии, зажатой фронтами с востока и запада. Поэтому, получив азы примитивной «науки побеж-

---

²¹ Ошибка неясного происхождения. Возможно, возникла при двойном переводе из европейской системы летоисчисления в японскую (по годам правления императоров) и обратно, так как цитируемые записки Зорге изначально были созданы на немецком языке, затем переведены на японский, а с него на русский. Также в указанном переводе нет фразы о том, что Рихард не сообщил о своей отправке на фронт матери и другим родственникам, которая содержится, например, в книге Юлиуса Мадера «Репортаж о докторе Зорге» (Берлин, 1988), опирающегося на «Тюремные записки Рихарда Зорге» (цит. по: Знаменитые шпионы XX века. М., 2001). Здесь он лишь «не советовался с ними».

дать», добровольцы прямиком отправились собственно «на бойню». В составе специального студенческого батальона (!) 3-го полка полевой артиллерии одного из резервных корпусов 4-й армии Зорге оказался в Бельгии, где 16 октября началась битва при Изере, закончившаяся две недели спустя затоплением приморской части этой страны и стоившая сторонам потерями более 100 тысяч человеческих жизней.

Воспоминания об увиденном и пережитом уже никогда не могли стереться из памяти выживших там. Так формировалось настоящее фронтовое братство людей, навсегда запомнивших номера своих подразделений и частей, лица и клички командиров, особенности театров военных действий. Эта память и это братство еще должны были сослужить Зорге особую службу два десятилетия спустя, когда он будет общаться в Токио с такими же, как он, ветеранами Первой мировой, хотя и не бывшими, как он, солдатами и фельдфебелями, а офицерами и генералами, но все же фронтовиками. Всех их будет роднить память об ужасах войны, о собственной беспомощности перед лицом смерти, о подвигах одних и трусости других. Тогда среди них еще не было критического разделения по политическим убеждениям, и солдаты высказывали свои взгляды на справедливость простыми и доступными им методами. «До войны политической жизни не знал. Когда поступил в армию, действовал не политически, а лично выступал: бил фельдфебелей...»²² Зорге еще не понимал,

---

²² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 5152. Л. 19.

что он сам, как и эти избитые им фельдфебели – лишь пушечное мясо, впервые попавшее в мясорубку под Диксмейде 29 октября 1914 года, осознание этого придет позже. Кстати, там же и в этот же день в составе 16-го Баварского резервного пехотного полка боевое крещение принял австрийский доброволец Адольф Гитлер. В образовавшихся после прорыва дамб холодных болотах «десятки тысяч плохо обученных молодых солдат под командованием пожилых офицеров-резервистов, не имеющих фронтового опыта, без достаточной поддержки артиллерии, были посланы на верную смерть. Приказ Фалькенхайна – храбро атаковать, невзирая на потери, стал распиской командования в собственной беспомощности»²³.

Рихарду повезло: он вышел из первой в своей жизни серьезной переделки живым и здоровым. Более того, он уже тогда начал понимать, в какой ад попал, следуя лишь собственному желанию и милитаристской пропаганде. Позже он напишет об этом: «Это кровопролитное, ожесточенное сражение впервые возбудило в сердцах – моем – моих товарищей-фронтовиков – первую, а потому особенно глубокую психологическую неуверенность. Наше горячее желание драться и искать приключений было быстро удовлетворено. Потом наступило несколько месяцев молчаливых раздумий и опустошения»²⁴. Эти несколько месяцев Рихард провел от-

---

²³ Мадер Ю. Указ. соч. С. 14.

²⁴ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 576.

носителем спокойно: часть была отведена в резерв, потом на переформирование, затем вернулась на фронт и участвовала в затяжных позиционных боях.

«Я предавался всевозможным размышлениям, вытягивая из головы все свои исторические познания. Я осознал, что участвую в одной из бесчисленных европейских войн и воюю на поле сражения, имеющем историю в несколько сотен или даже тысяч лет. Я думал: как бессмысленны эти бесконечно повторяющиеся войны! Сколько раз до меня немецкие солдаты сражались в Бельгии, стремясь вторгнуться во Францию! И наоборот, сколько раз войска Франции и других стран делали здесь то же, надеясь разгромить Германию. Знает ли кто из людей, какой же смысл в этих войнах прошлых времен?

Я старался осознать мотивы, которые лежали в основе новой агрессивной войны. Кто заново проявляет интерес к этим землям, шахтам, промышленности? Кто стремится захватить подобную добычу, невзирая на любые человеческие жертвы? Никто из моих товарищей – простых солдат и не думал о каких-то аннексиях и оккупации. Никто даже и не знал, для чего все эти наши усилия. Никто не знал истинных целей войны, и тем более никто не разбирался в вытекающем отсюда ее глубинном смысле. Большинство солдат были людьми среднего возраста, рабочими и ремесленниками. Почти все из них были членами профсоюзов, а большое число – сторонниками социал-демократии. Но только лишь один человек из них был действительно левым. Это был по-

жилой каменщик из Гамбурга, и он тщательно скрывал свои политические взгляды, не раскрываясь ни перед кем. Мы подружились с ним. Он рассказывал о своей жизни в Гамбурге, о своем опыте преследований и безработицы. Он был первым пацифистом, которого я встретил. Погиб он в бою в начале 1915 года, а вскоре после этого и я был впервые ранен. Уже сразу после начала войны я заметил, что мы, простые солдаты, и офицеры живем совершенно отдельной жизнью. За пределами службы мы имели очень мало контактов с офицерами. Офицеры общались только с офицерами. Я совсем не мог иметь чувства какой-то глубокой привязанности к ним»²⁵.

Рихард был молод, он вырос в богатой буржуазной семье, знал мало горя и не был готов к таким потрясениям. Будучи всего лишь солдатом, он оказался во власти унтеров и офицеров, многие из которых явно уступали ему в интеллекте, знаниях, понимании природы войны, но при этом самое дорогое, что у него было – его жизнь во многом зависела от них. Это казалось диким и страшным парадоксом. Любой нормальный человек в такой ситуации либо ломается, либо пытается найти выход из нее. И здесь в каком-то смысле нашему герою повезло. Весной или в начале лета 1915 года Зорге был ранен. Характер его ранения неизвестен, но молодому солдату было присвоено звание ефрейтора и дана возможность прохождения лечения в госпитале родного Ланквица.

---

²⁵ Там же. С. 576–577.

В больничной палате Рихард познакомился с другим фронтовиком – Эрихом Губертом Корренсом. Судя по всему, этот солдат тоже придерживался левых взглядов. Воспоминания о боях, о неравенстве между офицерами и солдатами, а главное, размышления о бессмысленности войны обрели в пригороде Берлина новую остроту. Оказалось, что здесь, вдали от фронта, от смерти, крови и грязи, все тоже далеко не благополучно. «В стране становилось все труднее сохранять нормальный уровень жизни. Все определялось двумя вещами: дефицитом и черным рынком. Но если были деньги, на черном рынке можно было купить все что угодно. Бедняки возмущались. Того воодушевления и духа самопожертвования, которые были в начале войны, больше не существовало. Начались обычные для военного времени спекуляции и подпольные сделки, а угар милитаризма постепенно стал улетучиваться. Напротив, полностью раскрылись чисто империалистические цели – прекращение войны в Европе путем достижения корыстных целей войны и установления германского господства»²⁶.

Выйдя из госпиталя, Рихард попытался вернуться к нормальной жизни. Используя время, отпущенное ему на реабилитацию после ранения, он сумел подготовиться к вступительным экзаменам в Берлинский университет имени Фридриха Вильгельма и, успешно сдав их, поступил на медицинский факультет. Поистине, у этого парня уже тогда были вид-

---

²⁶ Там же. С. 577.

ны непреклонный характер и умение собрать волю в кулак. Рихард начал ходить на лекции и... растерялся. Все еще носивший ефрейтора, он чувствовал себя военным и числился в своем подразделении. Учеба в университете резко контрастировала с тем, что он только вчера видел на фронте и чего он никак не мог забыть. К тому же ум пытливого молодого берлинца занимали вопросы, бесконечно далекие от медицины: политика, экономика, социальные конфликты. Преодолеть внутренний раздрай ему удалось, как тогда казалось, самым простым способом: Рихард вернулся в окопы, не дожидаясь конца отпуска.

На этот раз фронт был Восточным. В Галиции Зорге предстояло воевать против русских, против своей родины, против родины матери. Несмотря на это, Рихарду поначалу казалось, что выбор сделан правильно. Германские войска бодро продвигались вперед, его захватила общая эйфория успеха, но... вскоре наступление было остановлено и, как и на западе, началась затяжная позиционная война. Сидение в окопах вновь стимулировало общий пессимизм, и снова проблема была разрешена самым кардинальным способом, и опять не по воле нашего героя. В начале 1916 года Зорге был ранен осколком русского снаряда и отправлен в тыловой госпиталь на излечение.

«Возвратившись на родину после длительной трудной поездки через оккупированную Германией русскую территорию, я увидел, что положение в стране критическое. Через

семьи моих товарищей-фронтовиков я знал людей различных классов. Среди них были семьи простых рабочих, относящиеся к средней буржуазии мои родственники, состоятельные друзья, поэтому я мог достаточно хорошо наблюдать экономическое положение различных социальных слоев. Буржуазия постепенно опускалась на положение пролетариата, но пыталась как-то избежать своей судьбы, цепляясь за теорию о моральном превосходстве Германии. Я не мог без отвращения относиться к тому, что делалось высокомерными и невежественными представителями так называемого “германского духа”».

Во время повторного знакомства с госпитальным распорядком в образе мыслей Зорге происходит заметная перемена. Он уже не просто удивляется кризису, в который погрузилась во время войны его вторая родина – прошло слишком мало времени, чтобы он успел забыть увиденное в Берлине летом 1915-го. На этот раз Рихард пытается – в силу своих знаний, опыта и возможностей – анализировать то, что произошло, и понять, почему это произошло. Он начинает прислушиваться не только к госпитальным разговорам раненых солдат, но и ищет новые источники информации, что хорошо видно из его воспоминаний: «...среди политических лидеров появились люди, которые начали испытывать беспокойство в отношении войны. Это явилось результатом того, что внутренняя и внешняя политика стала жесткой и жестокой. Иными словами, реакция и империализм вовсю под-

няли голову. Я убедился, что Германия не может предложить миру ни новых идей, ни новых каких-либо действий, но и Англия, и Франция, и другие страны мира также не имеют возможностей внести свой вклад в дело мира. Никакие дискуссии о духовности и высоких идеалах не могли поколебать моей убежденности. С тех пор я не воспринимал всерьез утверждения об идеях и духе, которыми якобы руководствуются ведущие войну народы, независимо от их расы».

Государство еще пыталось вернуть контроль за настроением своего когда-то верного солдата так, как оно это делало (и успешно, в массе своей) с другими жертвами войны. Пока Рихард лежал в госпитале, пришел приказ о производстве его в унтер-офицеры 43-го резервного полка полевой артиллерии. За проявленное мужество его наградили Железным крестом 2-й степени. Не следует, однако, переоценивать значимость этой награды: за годы Первой мировой войны она стала самой массовой и вручалась около пяти миллионов раз при том, что после мобилизации 1914 года численность армии не достигала четырех миллионов.

Значительно важнее было то, что Зорге наконец-то получил – с «наисердечнейшим благословением Королевской экзаменационной комиссии» – аттестат зрелости, несмотря на так и не оконченное из-за войны училище, и с вполне приличными оценками. Теперь он мог правильно оформить свое поступление на медицинский факультет университета, но делать это пока не торопился. Его мысли вновь заняла

политика: «Моя неудовлетворенность выросла по сравнению с периодом первой моей реабилитации. И я вновь сразу же добровольно отправился на передний край. Я считал, что лучше сражаться в других странах, чем еще глубже погрузаться в болото в своей стране».

Другой страной на сей раз стала Франция. 43-й артиллерийский полк стоял под стенами Вердена, и Зорге прибыл туда в начале широкомасштабной наступательной операции германской армии, вошедшей в историю как «Верденская мясорубка», через которую – убитыми и ранеными «пропустили» около миллиона человек. Неудивительно поэтому, что возвращение Зорге с лечения теперь уже не было отмечено печатью былого оптимизма: «Атмосфера в части стала в целом еще более мрачной, чем раньше. Однако появилось больше людей, проявлявших интерес к проблемам политики и завершения войны. Постепенно укреплялось мнение, что, кроме решительных политических изменений, ничто не может вывести нас из столь тяжелого положения. Я встретил двух солдат, которые были связаны с радикальными политическими организациями Германии. Один из них часто рассказывал о Розе Люксембург и Карле Либкнехте. Однако ни в наших беседах с ними, ни в моих размышлениях проблема прекращения войны не представлялась важной. Гораздо более серьезным был вопрос, как можно было бы устранить причины бессмысленных саморазрушительных и бесконечных войн в Европе. Нам казалось, что эта проблема куда бо-

лее фундаментальна, чем окончание нынешней войны».

Если, составляя свои «записки» в начале 1940-х годов в тюрьме Сугамо, Зорге не ошибался и точно определил время, когда он задумался над вопросом, не как прекратить войну, а почему она случилась (при ответе на второй вопрос ответ на первый находился автоматически), то мы должны признать, что наш герой был действительно выдающимся человеком с уникальными мыслительными, аналитическими, даже философскими способностями. Зорге в ту пору исполнилось лишь 20 лет. Правда, его разум и чувства были обострены войной, но все равно он оставался еще слишком молод для суждений подобного рода. Ведь даже в стрессовой ситуации боя человек прежде всего думает о том, как прекратить ее, но... «Мы не были трусами, которые боялись бы продолжения войны или не отказались бы от любых средств, чтобы только ее закончить. Для нас было достаточно ясно, что, если только просто бросить оружие, это развяжет руки противникам Германии для достижения их империалистических устремлений. Более важным мы считали глобальное решение проблемы, решение в международном масштабе на длительный срок, но мы еще совершенно не знали способов достижения этого. Мы еще были довольно далеки от левого движения в Германии и других странах».

Кажется, что обостряющаяся ситуация на фронте, напряжение в тылу, опыт дважды раненного солдата разжигали в Зорге какой-то род интеллектуального азарта. И здесь про-

является еще одно его качество, которое потом окажется исключительно полезным в его работе: он умеет слушать и молчать, он азартен, но, как это ни удивительно, одновременно и хладнокровен – он умеет играть нужное лицо. «Политические организации националистического и империалистического толка вели бешеную пропаганду и посылали на фронт несчетное количество пропагандистских листовок. Под их воздействием *мы вели оживленные дискуссии*. Все эти организации пытались поднять моральный дух солдат, стремясь разъяснить обширные цели Германии в войне и раскрыть каждую из претензий, которые Германия должна предъявить другим странам для обеспечения своего постоянного превосходства. Но фактически результаты были абсолютно иными, чем те, на которые они рассчитывали. Что же касается леворадикальных элементов на фронте и внутри Германии, то их усилия были подобны бензину, который плеснули в огонь. *Я обычно молча только слушал подобные дискуссии и иногда задавал вопросы, у меня еще не было какой-либо убежденности, знаний, решений*».

Верден не являлся удобным местом для дискуссий, пусть и таких важных. На полосе в 13 километров с обеих сторон лицом друг к другу встали 24 дивизии и около двух тысяч орудий и минометов, включая 420-миллиметровые мортиры. Здесь впервые в истории были массово применены огнеметы, гранатометы и химическое оружие, а германская артиллерия, в том числе 43-й полк, в котором служил Зорге,

выпустила по Вердену около 20 миллионов снарядов. Но, когда сам Рихард пришел к выводу, что больше воздерживаться от дискуссии нельзя («...постепенно пришло время, когда надо было отбросить позицию стороннего наблюдателя, которой я придерживался в течение длительного времени, и сделать окончательный вывод»), он снова оказался ранен.

Строго говоря, Зорге едва не погиб. Осколки французского снаряда пронзили его тело, а два из них раздробили кости ноги. По некоторым данным, это случилось, когда Рихард участвовал в разведывательной вылазке своего подразделения, и раненым он провел «в лихорадочном бреду на колючей проволоке» около трех суток²⁷. Так это было на самом деле или нет, но последствия ранения преследовали Зорге всю жизнь. Первая жена Рихарда – Кристина²⁸ вспоминала, что «Рихард воевал; из-за простреленного колена (видимо, все-таки имеется в виду осколочное ранение. – А. К.) он ходил, прихрамывая... Он никогда не мог медленно спускаться по лестнице – бежал вприпрыжку и при этом безжалостно подтрунивал над собой»²⁹. А его токийская подруга Эта Харих-Шнайдер много позже писала, что «Зорге снова и сно-

---

²⁷ Boveri M. Der Verrat im XX. Jahrhundert. Цит. по: *Мадер Ю.* Указ. соч. С. 17.

²⁸ Ее имя, в оригинале – *Christiane*, в русскоязычных источниках приводится как Кристиана, Христиана, Кристина. Для упрощения в этой книге далее дается его современный и более привычный для русскоговорящего читателя вариант: Кристина.

²⁹ *Sorge Ch.* Mein Mann – Dr. Richard Sorge // *Die Weltwoche*. Zürich, 1964. 11. Dezember. Цит по: *Мадер Ю.* Указ. соч. С. 17.

ва начинал рассказывать о Вердене. Это было его душевной травмой»³⁰.

Получивший увечье унтер-офицер Зорге был вынесен с поля боя однополчанами и на санитарном поезде вновь отправлен в тыл. На сей раз не в Берлин, а на восток – в Кёнигсберг. Там, в госпитале в Восточной Пруссии для него навсегда закончился его германский путь и началась биография интернационалиста.

---

³⁰ *Harich-Schneider E.* Charaktere und Katastrophen. Berlin; Frankfurt; Vienna, 1978. S. 222. Цит по: *Мадер Ю.* Указ. соч. С. 17.

Глава третья

Сложный перелом

По версии Юлиуса Мадера, кости изувеченной ноги Рихарда срастались быстро под благотворным влиянием симпатичной медсестрички-ровесницы, а вот сложный перелом в сознании стал необратим в результате знакомства отца девушки с историей мирового рабочего движения³¹. Якобы родитель девушки, услышав фамилию Зорге, изрядно удивился и сразу вспомнил о хорошо знакомых ему трудах соратника Маркса и Энгельса. В воспоминаниях бывшего больного ничего подобного нет, да и вряд ли он стал бы рассказывать об этом японским следователям и прокурорам. Зорге лишь замечает, что медсестра была умна и интеллигентна и, как и ее отец-врач, оказалась связана с «радикальным социал-демократическим движением».

Конечно, важно не то, была медсестра симпатичной или нет – раненому бойцу, чье тело было прошито осколками, нога подвешена на противовесе над кроватью, и который, по его собственному признанию, испытывал дикие боли, пока что было не до флирта. Гораздо важнее, что именно в кёнигсбергском госпитале двадцатилетний артиллерист «... впервые сумел подробно услышать о революционном дви-

---

³¹ Мадер Ю. Указ. соч. С.17.

жении в Германии, различных партиях и течениях, международном революционном движении». Здесь же Зорге впервые услышал о Ленине, как об одном из лидеров современного ему социал-демократического движения, скрывающемся в Швейцарии.

От болевого шока после ранения Рихард пришел в себя быстрее, чем от шока психологического, вызванного «верденским адом». С другой стороны, он был морально подготовлен к такому сложному перелому двумя предыдущими ранениями и полутора годами размышлений о причинах войны. Поэтому, как только страшная боль в теле стала стихать, унтер-офицер немедленно погрузился не в госпитальный роман, а в книги, которые медсестра и ее отец тайком приносили ему в госпиталь.

Мысли, сопровождавшие процесс выздоровления, были не новы. Зорге вновь решил обратиться к разбору «коренных проблем империалистической войны». Новым было настроение, возникшее под влиянием чтения марксистской литературы, и связанный с этим подход к ним. Молодой человек и раньше чувствовал в себе силы хлебнувшего горя практика, ощущал бившую через край энергию своего возраста, тягу к знаниям, но не имел самих знаний. Разговоры с такими же, как он, может быть, чуть более образованными, солдатами уже не могли удовлетворить его. По сравнению с «дискуссиями» у стен Вердена, вопросы, на которые теперь с помощью книг искал ответ Зорге, оказывались более сложными, мас-

штабными, значимыми. И появилось новое чувство – амбициозность и уверенность прирожденного лидера, способного проникнуть в суть проблемы и найти способ ее решения: «...уже появилось *желание стать апостолом* революционного рабочего движения».

Но, чтобы стать апостолом, недостаточно было иметь даже очень твердое стремление к этому. Да и родство с другим, уже состоявшимся «божеством» Интернационала могло тут больше помешать, чем помочь. Надо отметить, молодой Зорге сразу это понял. Поэтому первым, чем он занялся, поставив перед собой столь необычную цель, стало получение специального образования. Разумеется, это невозможно было осуществить легально, но, судя по воспоминаниям героя, друзья-медики постарались решить проблему, начав со знакомства с азами германской философской мысли. «Я впервые взялся за философию, последовательно изучил Канта и Шопенгауэра, обратился к истории, в том числе истории искусств, и, кроме того, у меня появился интерес к экономическим проблемам». Несмотря на боль, грязь, кровь и вонь госпитальной обстановки, представить которую может себе только тот, кто прошел через это, Зорге чувствовал необыкновенное воодушевление. В его жизни наконец-то нашлась цель – настолько великая, что он впервые ощутил возможность или даже необходимость отдать за такую цель эту самую жизнь. Ужасы полутора лет войны привели Зорге на госпитальную койку в Кёнигсберге, а книги, прочитанные там,

открыли дорогу к эшафоту токийской тюрьмы Сугамо, а затем и к великой посмертной славе. Вся остальная его жизнь была лишь прохождением этого пути. И как всякую молодость, Зорге вспоминал Кёнигсберг как место, где он «был счастлив как никогда в последние годы. Моя тяга к исследованиям, которая время от времени проявляется и сейчас, сформировалась именно тогда». И это тоже очень важное признание.

Через 25 лет Рихард Зорге станет одним из самых успешных, а через полвека – одним из самых знаменитых разведчиков всех времен и народов. Получится набрать, пожалуй, еще с десяток персонажей, которых можно было бы поставить в один ряд с ним (пусть каждый выберет своих героев сам), но вряд ли найдется еще один человек, пришедший в разведку через желание стать одновременно «апостолом рабочего движения» и исследователем, то есть политиком и ученым. «Премьер-министр», как его называли в школе, Зорге в 1916 году уже был готов возглавить страну. Вот только страны такой не существовало, да и не у одного Рихарда в 20 лет возникло желание изменить мир. Отличие Зорге от многих других сверстников-максималистов заключалось в том, что он решил перевести свои мечты в практическую плоскость, совместив оба желания, и понял, что начать следует с учебы. Вскоре после ареста в 1941 году Зорге скажет японскому следователю, что больше всего хотел бы стать ученым. В 1916 году заменивший выпускной класс реально-

го училища полями боев, инвалид войны Рихард Зорге принял за науки со свойственной ему энергией.

Науки оказались необычными для студента медицинского факультета, но Рихарду было уже понятно, что с медициной (во всяком случае, в качестве лекаря, а не в качестве больного) его более ничто не связывает, и он постарался сосредоточиться на изучении политологии и экономики начиная с самых древних времен, так как считал, что, только изучив и поняв глубинные причины социальных, экономических и политических изменений в Германии и Европе, он сможет удовлетворить свои интересы в области понимания природы войны и классового неравенства. «Я читал и греческую философию, и оказавшую влияние на марксизм философию Гегеля. Я прочитал Энгельса, а затем и Маркса, [все] что попадало в руки. Я изучал также труды противников Маркса и Энгельса, т. е. тех, кто противостоял им в теории, философских и экономических учениях, и обратился к изучению истории рабочего движения в Германии и других странах мира. В течение нескольких месяцев я приобрел фундаментальные знания и овладел основами практического мышления».

Наступил роковой для всей планеты 1917 год. Газетные статьи становились интереснее, чем книги классиков, и авторы первых легко разрушали незыблемые, казалось бы, истины вторых. Война еще не кончилась, наоборот, в ее орбиту вовлекались новые страны и народы, и ощущение глобаль-

ной катастрофы продолжало нарастать. Особенно тяжелое положение оказалось у Германии и Австро-Венгрии: их людские и материальные ресурсы были почти исчерпаны, начался голод, отсутствие топлива привело к транспортному кризису, великие, в недавнем прошлом, державы привели себя на край пропасти.

Зорге вспоминал: «В то время летом и зимой 1917 года я начал особенно остро ощущать, что мировая война бессмысленна и бездумно все обрекает на запустение. С каждой стороны уже погибло по несколько миллионов человек. И никто не скажет, сколько еще миллионов разделят их судьбу. Хваленая экономическая машина Германии лежала в руинах. Я чувствовал это на личном опыте, ощущая вместе с многочисленными пролетариями голод и растущий дефицит продуктов питания. Капитализм распался на свои составные элементы – анархизм и спекулянтов. Я видел крах Германской империи, которая, как считали, имеет прочный и незыблемый политический фундамент. Господствующий класс Германии, столкнувшись с таким положением, безнадежно растерялся и раскололся как морально, так и политически. В культурном и идеологическом плане нация ударилась в пустую болтовню о прошлом, в антисемитизм или романо-католицизм. И военно-феодальный правящий класс, и буржуазия оказались не способны указать курс для государства и способ спасения его от полного разрушения. И в лагере противников Германии было то же самое. Политические требо-

вания, выдвигаемые противниками Германии, и на будущее не оставляли другого способа решения конфликта, кроме применения оружия. Свежая и эффективная идеология поддерживалась революционным рабочим движением, и за нее разворачивалась борьба. Эта наиболее сложная, решительная и полезная идеология стремилась устранить экономические и политические причины нынешней и будущих войн путем внутренней резолюции».

Первой не выдержала Россия. Неожиданно для европейского обывателя русский царь Николай II отрекся от престола. Для некоторых участников войны это стало настоящим подарком, а для Германии Февральская революция в России выглядела единственным шансом на выживание. Неудивительно, что не только Зорге, но и многие другие мыслящие молодые люди восприняли это грандиозное социальное потрясение как самый простой и очевидный способ прекращения войны, ведущейся с непонятными целями, но с уже появляющимся на горизонте финалом в виде мировой катастрофы. Вступление в 1917 году в войну на стороне Антанты Соединенных Штатов усугубило положение Центральных держав. Военный исход сражений уже не вызывал сомнений. Оставалось только определиться с политическим устройством мира. На этом фоне во всех странах-участниках особенно обострился интерес к социал-демократическому движению, где идея смены монархий не буржуазными, а пролетарскими республиками завоевывала все новые и но-

вые симпатии.

Следующий этап трагедии – большевистский переворот 25 октября 1917 года в России – надолго расколол мир на две части. Зорге внутренне готов был к такому повороту событий. Он ждал чего-то подобного последние три военных года, и это неудивительно. Сегодняшнему читателю удивительно, наверно, будет другое: за всю свою последующую жизнь Рихард Зорге, так и не ставший премьер-министром настоящего пролетарского государства, не разочаровался в своем выборе, сделанном в военном госпитале в Кёнигсберге. Незадолго до гибели он писал: «Развитие революции в России указало мне путь, по которому нужно идти международному рабочему движению. Я решил не только поддерживать движение теоретически и идеологически, но и самому стать на практике его частью. И с тех пор, какие бы выводы ни делались о моих личных и материальных проблемах, я встал на этот путь. И сейчас, когда третий год идет Вторая мировая война и развязана война между Германией и Советским Союзом, *у меня еще более крепнет убеждение, что решение, принятое мною 25 лет назад, было правильным.* Я могу так заявить, даже обдумав все, что случилось со мной в течение прошедших 25 лет, и особенно в последний год».

В январе 1918 года унтер-офицер Зорге уволен из армии по состоянию здоровья, из-за ранения – «списан вчистую», как говорили тогда солдаты воевавшей с Германией страны, где он родился. Сама кайзеровская армия имела

тогда «состояние здоровья» значительно хуже, чем у нашего героя, и вскоре прекратила свое существование. Хромающий, изрешеченный осколками Зорге, наоборот, был исполнен оптимизма и, вернувшись домой, перевелся с медицинского на философский факультет Берлинского университета имени Фридриха – Вильгельма. Возвращение домой радовало, но Рихарду сразу же пришлось столкнуться с серьезными проблемами. Кризис военных лет ударил по благосостоянию семейства Зорге. Отцовские накопления съела инфляция. Большой дом пришлось сменить на квартиру на первом этаже по Майнцерштрассе, 18, в пригороде Берлина Вильмерсдорфе³². Рихард вернулся домой, но, как для сотен тысяч возвращавшихся с фронта солдат, дом, семья оказались для него уже чужими. Они жили другой, непонятной ему и неприемлемой, с его точки зрения, жизнью, и Зорге ушел. Это не значит, что он разорвал отношения с матерью, братьями и сестрами. Нет, они продолжали переписываться и общаться, из дома ему регулярно поступали деньги на содержание, но вместе семья Зорге уже никогда не собралась, и в значительной степени это произошло по воле Рихарда.

---

³² Журнал «Шпигель», опубликовавший в 1951 году цикл статей о Рихарде Зорге, основным автором которых был главный редактор журнала Рудольф Аугштайн и которые стали первоисточником для десятков, если не сотен, последующих публикаций, приводит другие данные: «Уволившись из армии, Рихард отправился к матери, которая в 1917 году из Ланквица переехала по адресу Рейхсканцлерплац, 5». См.: Herr Sorge saß mit am Tisch: Porträt eines Spions // Der Spiegel. 1951. № 24. 13 Juni. S. 31. (Здесь и далее, если не указано иначе, цитаты из этого цикла статей приводятся в переводе М. Н. Бересневой.)

Он забрал документы из столичного университета, так толком и не поучившись в нем, и «подался на север», север Германии, в город Киль, где поступил в местный университет с намерением взяться за изучение экономики и социологии. Однако время и место для начала учебы оказались выбраны крайне неудачно. Киль – один из крупнейших портов Германии, важнейший промышленный и судостроительный центр Пруссии, кипел революционно настроенными рабочими, моряками, демобилизованными солдатами. Очень скоро Рихард оказался в одном котле с ними: «...я никак не думал, что в течение года здесь произойдет германская революция. В Киле я вступил в революционную организацию – Независимую социал-демократическую партию. Я не вступил в группу “Спартак”, но только по той причине, что в Киле не смог установить связи с этой организацией».

«Группа Спартака» (позже – «Союз Спартака») – оформившееся к 1916 году нелегальное объединение германских социал-демократов: Карла Либкнехта, Розы Люксембург, Франца Меринга, Вильгельма Пика, Клары Цеткин и др. По мнению некоторых исследователей биографии Зорге, наш герой познакомился с деятельностью «спартакистов» сразу после второго ранения, когда лечился в берлинском госпитале, хотя документальных подтверждений этому не представлено³³. Но в любом случае, проникнутые бунтарским духом «Политические письма», которые писали лиде-

---

³³ В т. ч.: Мадер Ю. Указ. соч. С. 15–16.

ры группы, должны были находить в душе и разуме беспокойного Зорге самый живой отклик. Как иначе он мог относиться к такому, например, воззванию Либкнехта: «Война есть высшее проявление классового господства и империализма... Поэтому наша тактика полностью однозначна и ясна: непримиримейшая борьба»³⁴?

В пролетарском Киле, относительно далеком от немецких идеологов социал-демократии, Рихард не сумел выйти на лидеров «Спартака», но стал свидетелем забастовок рабочих, откликнувшихся на призывы своих вождей. Неудивительно, что Зорге оказался полностью захвачен воодушевлением толпы и летом 1918 года стал членом Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ). Партия отделилась от СДПГ всего годом ранее, и у руля ее встали Гуго Гаазе и Карл Каутский. «Группа Спартака» при этом была как бы коллективным членом или автономной фракцией новой партии, быстро завоевавшей популярность в народе: к ноябрю 1918 года НСДПГ насчитывала в своих рядах около 120 тысяч человек.

Рихарду в это время было всего 22 года. У него пока еще отсутствовал опыт подпольщика, и он обретал его на ходу, тем более что образования, солдатской закалки, желания работать оказалось предостаточно. Зорге немедленно становится не только активистом партии, но и главой ее неболь-

---

³⁴ Wohlgemuth H. Burgkrieg, nicht Burgfriede. Berlin, 1963. S. 295. Цит. по: Мадер Ю. Указ. соч. С. 17.

шого подразделения в Киле: «Как только я вступил в партию, мне сразу же была поручена работа в социалистических студенческих организациях. Вместе с двумя-тремя студентами я создал такую организацию и затем стал ее руководителем. Кроме того, в рамках партийной организации я стал руководителем учебного кружка в районе, где проживал, и преподавал там историю рабочего движения, различия между революционным и контрреволюционным движением и другие предметы. Безусловно, я старался вовлечь в партию новых членов из моих друзей-студентов и выполнял также различные мелкие поручения.

Я тайно читал лекции по социализму группам рабочих порта и матросов. Таким образом, я содействовал и революции в Кильской военной гавани, начатой восставшими матросами. Даже сейчас я помню одну из этих лекций. Одним ранним утром я был вызван и приведен в незнакомое до того место. Придя туда, осмотревшись, я понял, что это была подземная матросская казарма, где меня попросили тайно прочитать лекцию при плотно закрытых дверях».

Революция, о которой говорит Зорге – ноябрьский переворот, покончивший с кайзеровской Германией и завершившийся провозглашением Веймарской республики. А началом его было выступление матросов германского флота в Киле 3 ноября 1918 года. Ему предшествовал приказ адмирала Шеера о подготовке к решающему сражению с флотом Антанты, прежде всего с британским. Тактическая ситуация

при этом была такова, что даже матросы понимали: их призывают дать последний бой и погибнуть в нем, дабы сохранить лицо и честь германского флага. Тремя годами раньше они, возможно, без раздумий так и поступили бы, но война шла уже слишком долго, исход был очевиден, и распропагандированным матросам совсем не хотелось умирать. Одним из самых яростных и убедительных пропагандистов как раз и был отставной артиллерист, трижды раненный и жаждавший жизни Рихард Зорге.

В период с 30 октября по 3 ноября в Киле произошли беспорядки, связанные с отказом части военных моряков выполнить боевой приказ командования. Было арестовано около тысячи человек, расстреляна демонстрация матросов, требовавших освобождения своих товарищей, и в город прибыли сухопутные части. 4 ноября они перешли на сторону восставших, после чего Киль оказался во власти первого немецкого Совета рабочих и солдатских депутатов. Возглавил совет, сформированный по образу и подобию Петроградского, кочегар с одного из миноносцев Карл Артельт, а среди его членов значился и Рихард Зорге.

В течение следующей недели Советы формировались по всей Германии. По инициативе Карла Либкнехта началось создание Красной гвардии, но наибольшим прорывом в этом направлении оказалось формирование Народной морской дивизии, прибывшей из Кили в Берлин. Чем занимался в это время Зорге, так успешно зарекомендовавший себя во время

подготовки восстания? «Сразу после революции моя работа в партии заключалась в разборе бесчисленных заявлений о приеме в партию, пропагандистской и преподавательской деятельности. Помимо этого, я должен был главным образом по-прежнему поддерживать связь со студенческими социалистическими организациями, которые набрали в это время большую силу».

Была у Зорге в то время и еще одна забота. Вместе с ним членом Кильского совета стал некий доцент, а впоследствии доктор философии и профессор Курт Альберт Герлах. Они были очень дружны: Курт, будучи на девять лет старше Рихарда, тоже пережил ужасы войны на фронте – ему довелось быть шофером санитарного автомобиля. Причем на войну Герлах пошел по политическим мотивам, разорвав отношения с собственным отцом – директором фабрики, которого сын считал капиталистом. Если в боевом опыте Зорге превосходил Герлаха, то в исследовательском, преподавательском и опыте подпольщика явно уступал ему. Старший товарищ Рихарда успел поработать в Университете Лейпцига, где писал работы о профсоюзном движении и необходимости охраны труда рабочих (животрепещущая тема для начала XX века). Герлах провел несколько лет в Англии, стал членом тамошней Лейбористской партии, а переехав в Киль, работал над циклом лекций, за одно название которых можно было угодить в тюрьму: «Социализм и коммунизм».

Знакомство Зорге и Герлаха описала супруга профессо-

ра – Кристина: «После окончания Первой мировой войны в кильский порт стали входить корабли с красными флагами революции на мачтах; у молодых немцев появилась надежда на перемены к лучшему. Каждый день студенты и профессора, умеренные и радикалы, спешили на политические собрания; воздух над городом и над гаванью, казалось, был пропитан беспокойством и жаждой деятельности. Много молодых людей собиралось в нашем уютном, утопавшем в глициниях, доме, где я, двадцатилетняя супруга профессора государственной экономики, разливала в чашки чай и без усталости вслушивалась в жаркие споры. Мой муж несколько лет жил в Англии, был фабианцем³⁵ и сочувствовал немецкой революции. Поздняя осень 1918-го, зима 1919 года! Художники говорили о новом искусстве, поэты ломали устаревшие традиции; среди наших гостей сидел молчаливый молодой человек, один из студентов моего мужа – Рихард Зорге... В аудиториях и на семинарах он, наверное, вел себя менее сдержанно, чем у нас в салоне, так как я вскоре стала замечать, что мой муж выделяет его из всех остальных. Между обоими завязалась дружба; мы называли его “Ика”»³⁶.

Как легко догадаться, выделять Зорге из числа остальных студентов, художников, поэтов и прочих гостей дома про-

---

³⁵ Фабианское общество стало основой для формирования Лейбористской партии Великобритании.

³⁶ Цит. по: *Мадер Ю.* Указ. соч. С. 24. Здесь и далее воспоминания Кристины Зорге приводятся по указанному изданию, если иное не оговорено особо.

фессора экономики стал не только его хозяин. Кристина Герлах симпатизировала своему ровеснику, но он до поры до времени не отвечал ей взаимностью. Ему было некогда: к началу нового, 1919 года Рихард Зорге не только полностью выздоровел, но и стал совершенно другим человеком. На смену кайзеровскому солдату, бывшему морду фельдфебелю, пришел молодой, энергичный и дерзкий социалист-подпольщик, собирающийся изменить мир.

Глава четвертая

Доктор по гамбургскому счету

К концу 1918 года невозможность Германии продолжать войну, капитуляция, воспринятая многими немцами как национальный позор, отречение от престола императора Вильгельма, разруха в стране и голод поставили бывшую великую державу на грань революционного кризиса. Казалось, что еще немного и будет повторен русский опыт. Однако этого не произошло. Перешагнуть опасную грань не удалось по многим причинам, в том числе из-за постоянных, непрекращающихся и многочисленных распрей в лагере «революционеров» и отсутствия среди них одного явного лидера. Оппозиционеры создали такое количество партий, фракций и группировок, что полностью увязли во внутривнутриполитических баталиях, так и не сумев, по счастью, перенести их на улицы. Хотя в начале декабря в Берлине и некоторых других городах произошли вооруженные столкновения, немецкое общество все дальше и дальше уходило от желания следовать примеру России, где уже вовсю шла Гражданская война. На Рождество 1918 года в бои в Берлине ввязалась Народная морская дивизия, но верные правительству солдаты отбили атаки, и к Новому году опасность революции в Германии на время отступила. Одним из немногих реальных последствий

боевых столкновений в Берлине стало создание на базе «Союза Спартака» Коммунистической партии Германии (КПГ). 5 января нового, 1919 года «спартаковцы»-коммунисты попытались взять власть в Берлине, но после десяти дней боев мятеж был подавлен, а его вожаки – Роза Люксембург и Карл Либкнехт убиты.

Зорге, занимавший в дискуссиях социал-демократов радикально левые позиции, всю осень находился в Киле, где накал борьбы уже спал. Партийная ячейка отправила его «на помощь товарищам» в столицу, когда он не мог что-либо изменить, и маленькая группа «экспертов» из провинции лишь наблюдала со стороны за неудачными попытками ломки немецкого государства. «В конце того года я с двумя-тремя товарищами с партийным заданием выехал в Берлин, где работал в местном штабе. Развернулась непримиримая борьба между фракцией во главе с Носке и Шейдеманом и революционным движением. Армия же стала на сторону Носке и выступила против революции. Партия нуждалась в помощи, но, когда я приехал в Берлин, было слишком поздно что-либо делать. После жестокого кровопролития восстание “Спартак” было подавлено. Нас загнали в гараж и обыскали, но, к счастью, мое оружие не обнаружили. Тот, кто имел оружие и отказывался отдать его, тут же расстреливался. Пробыв с товарищами несколько дней в здании гаража, мы вернулись в Киль. Но нельзя было назвать это триумфальным возвращением. В начале 1919 года я уехал в Гамбург и стал гото-

виться к экзаменам на врача».

Это загадочный отрывок из воспоминаний Зорге. Больше ни в одном описании этого периода его жизни не упомянуто возвращение Рихарда к попыткам изучать медицину. Да и совершенно непонятно, как он мог бы этим заниматься в условиях революционной разрухи и своей активной подпольной деятельности. Немецкий журнал «Шпигель», в 1951 году опубликовавший такую серию статей о Зорге, что ее можно считать книгой о нем, печатавшейся с продолжением, приводил несколько иную цитату из тех же «Тюремных записок»: «...весной 1918 года я покинул Берлин и поступил на факультет государства и права в Киле. Для продолжения работы над начатой там диссертацией весной 1919 года я отправился в Гамбург, где и завершил ее»³⁷. Это уже совсем другое дело. Политика, социология, даже экономика – да, для изучения этих предметов события вокруг студента Зорге могли быть подспорьем, непрерывным, хотя и экстремальным практикумом. Тем более что в 1916–1918 годах он числился на факультете философии Берлинского университета. Но медицина? Зорге не был слишком уж откровенен с японскими следователями, и его «Тюремные записки» следует читать с особенно большой оглядкой на то, что они написаны как раз в условиях комнаты для допросов токийской тюрьмы Сугамо или местной прокуратуры. Может быть, за-

---

³⁷ Herr Sorge saß mit am Tisch: Porträt eines Spions // Der Spiegel. 1951. Nr. 24. 13. Juni. S. 31.

ключенный Зорге лишний раз решил «считать себя» медиком, вспоминая о событиях 1919 года? Или просто ошибся? Все может быть, во всяком случае, пока не найдены документы.

После ареста в столице во время «спартаковского восстания» фамилия Зорге могла попасть в «черные списки», и Рихарду стоило подумать о том, где и как хотя бы на время затеряться. Портовый Гамбург, в те времена – город с более чем миллионным населением и широкой прослойкой рабочего класса, не включившегося, однако, в острые социальные протесты, подходил для этого как нельзя лучше. С одной стороны, возможность найти единомышленников в потенциально протестных слоях населения. С другой – полицейский режим в городе был ослаблен по сравнению с Берлином, Бременом или Мюнхеном, где выступления «спартакистов» обострили ситуацию до крайности. По свидетельству Юлиуса Мадера, в Гамбурге наш герой снова стал студентом, «записавшись соискателем ученой степени на факультет государства и права» местного университета³⁸. Такое утверждение значительно больше похоже на правду, чем обращение к медицине. Да и сам Зорге дальше о врачебной специальности не вспоминает: «По приезде в Гамбург я и там создал студенческую социалистическую организацию и стал ее секретарем, а кроме того, выполнял обычную партийную работу по месту жительства».

---

³⁸ Мадер Ю. Указ. соч. С. 25.

Судя по тому, что карьера Зорге вскоре пошла вверх, его авторитет среди студентов Гамбурга был весьма высок: «В конце этого года меня назначили руководителем учебной секции партийных руководителей региональной организации Гамбурга. Вскоре после этого фракции нашей партии так же, как группа “Спартак” и другие революционные организации, автоматически влились в Германскую коммунистическую партию. В течение 1920 года я работал в штабе парторганизации Гамбурга в качестве руководителя учебной секции».

Что же касается не партийно-подпольной, а научной деятельности нашего героя, Мадер приводит, к сожалению, без какой-либо ссылки на источник, подробные сведения о диссертации Рихарда: «Свою работу Зорге озаглавил “Имперские тарифы Центрального союза немецких потребительских обществ”, в ней исследовались сложные вопросы, касающиеся политики тарифов и заработной платы, проводимой немецкими потребительскими обществами. Хорошее представление об этом дает уже само по себе оглавление диссертации. Рукопись более чем в 200 страниц состояла из пяти частей:

“Часть I. Свободные профсоюзы и Центральный союз немецких потребительских обществ.

Часть II. Разработка имперских тарифов в объединении булочников, кондитеров и их коллег по профессии в Германии.

Часть III. Разработка имперских тарифов в объединении торговых и транспортных работников Германии.

Часть IV. Гарантии обеспечения и осуществления тарифной системы

а) общие гарантии

б) тарифное бюро и его деятельность.

Часть V. Тарифная система во время революции.

Таблицы. Приложение”»³⁹.

С учетом того, что в то самое время, когда Зорге писал диссертацию, в Германии активно обсуждалась новая конституция, предусматривающая, в соответствии со статьей 165, активное вовлечение рабочих и служащих в обсуждение и регулирование вопросов условий труда и заработной платы, работа гамбургского кандидата имела особую злободневность. Она могла представлять интерес не только (а возможно, и не столько) для ученых-социологов и экономистов, сколько для деятелей профсоюзов, юристов, работающих с подобными вопросами, одним словом – для практиков.

Легко заметить, что значительную часть диссертации занимало рассмотрение проблем потребительских организаций и предприятий малого и среднего бизнеса (в современной формулировке). По мнению Мадера, это было связано с местом работы Зорге в то время. Именно в Гамбурге на-

---

³⁹ Там же. С. 25–27. Примерно то же сообщает и «Шпигель»: «Die Reichstarife des Zentralverbandes deutscher Konsumvereine», 218 машинописных страниц (Herr Sorge saß mit am Tisch: Porträt eines Spions // Der Spiegel. 1951. Nr. 24. 13. Juni. S. 32).

ходиллся Центральный союз немецких потребительских обществ, основанный в 1903 году, там же хранился архив этой организации, и Рихард много с этим архивом работал. Наблюдавший изнутри за созданием и развитием революционной ситуации в Германии, Зорге заметил, что провал переворота в значительной степени был обусловлен тем, что идеи пролетарской революции оказались не близки представителям городской и сельской буржуазии. Об этой социальной прослойке он писал в диссертации, к ней же по происхождению относился сам. Лавочники, торговцы, владельцы мастерских и небольших заводов, даже банкиры средней руки – весь этот слой населения, особенно окрепший в Германии за последние полвека, хорошо понимал, чем ему грозит победа люмпенов и пролетариата. Зорге, учившийся и живший, будучи студентом, на ежемесячное содержание в 200 марок, что мать присылала ему из дома, выделяя из сохранившегося наследства отца, проблемы мелких буржуа знал, во всяком случае, не хуже, чем пролетариата, к которому никогда не относился, но который умел блестяще распропагандировать⁴⁰.

Вот и в своей работе, подводя итоги проведенного исследования, он писал, сугубо теоретически, искусственно «подтягивая» представителей потребительской кооперации к рабочим и крестьянам: «[Потребительские] Общества, как это видно на примере английских, также являются организаци-

---

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 5152. Л. 20.

ями рабочего класса, составной частью рабочего движения, тесно связанной с решением социальных вопросов в той же степени, что и профсоюзные и политические организации рабочих. Это те самые группы, которые испытали на себе всю тяжесть интенсификации капиталистической экономики, все взлеты и падения, все кризисные явления, описанные Карлом Марксом в “Капитале”, Энгельсом в “Положении английских рабочих” и Brentano в “Рабочих гильдиях Нового времени”»⁴¹.

Группы, о которых писал Зорге, действительно испытали на себе все тяжести интенсификации капитализма – в этом молодой ученый был прав. Что же касается всего остального, путей их дальнейшего развития и симпатий в сторону того или иного общественного строя, то его размышления носили сугубо умозрительный характер, основанный на попытках сопоставить, если не приблизить искусственно, марксистскую теорию к реальной экономической ситуации. Но правоту автора тогда могло доказать или опровергнуть только время...

Летом 1919 года Рихард Зорге, не окончивший полностью курс реального училища и проучившийся в общей сложности около трех лет на разных факультетах разных университетов, сумел успешно завершить и защитить свою диссертационную работу, начатую семью месяцами ранее. 8 августа ректор Гамбургского университета профессор Карл Ратген и

---

⁴¹ Мадер Ю. Указ. соч. С. 25.

декан факультета государства и права профессор Курт Перельс подписали докторский диплом по специальности «государство и право» с темой, балансирующей на стыке экономики, политики и социологии, на имя «Рихарда Зорге, из Баку, Россия». В соответствии с действовавшими тогда немецкими законами диплом о высшем образовании для защиты диссертации являлся необязательным, а предшествовавшие защите устные и письменные экзамены 23-летний Рихард выдержал на «отлично». Отныне привычным для него станет обращение «доктор Зорге». Можно ли считать при этом нашего героя ученым? Юридически – да. Зорге сумел выполнить все условия, указанные в то время в германских образовательных нормативах для университетов. Он защитил диссертацию и получил немецкую степень «Doktor», примерно соответствующую британо-американской степени «доктора философии» – «Ph. D.» и близкую современной российской степени кандидата наук. Что же до практической наполненности, то сегодня нам непросто объективно оценить величину вклада в науку, внесенного диссертацией Зорге. Однако, учитывая принцип историзма, можно предполагать, что это была добротная, хорошо исполненная работа, важная для своего времени, аккумулирующая опыт предшественников и воплощающая самые свежие мысли на изучаемую тему. Ну, и самое главное – всей своей дальнейшей карьерой, где бы она ни строилась, но особенно – в Японии, Рихард Зорге еще подтвердит право называться ученым. И стоит ли говорить,

что у новоиспеченного доктора в 1919 году были более важные дела, мало связанные с наукой?

Одновременно с защитой диссертации в судьбе Рихарда произошло еще одно важное событие. Он начал свою журналистскую деятельность в газете социал-демократов «Гамбургер фольксцайтунг» (сам Зорге высказался об этом кратко: «В то же время я был консультантом в коммунистических газетах Гамбурга»). К этому же времени относится и встреча Зорге со «знаменитым социалистом Шейдеманом», заметившим молодого и перспективного внучатого племянника еще более знаменитого социалиста прошлого. Филипп Генрих Шейдеман к тому времени был не только «известным социалистом», но и первым в истории постмонархической Германии премьер-министром, оставившим свой пост в июне 1919 года. Во время ноябрьского восстания 1918 года именно Шейдеман не дал возможности захватить власть приверженцам ультралевых взглядов, в том числе Либкнехту, идеи которого были наиболее близки Зорге. Возможно, Шейдеман имел какие-то связи с «Гамбургер фольксцайтунг» и познакомился с Зорге на этой почве. В любом случае, для 23-летнего революционера получить предложение о сотрудничестве от настоящего зубра политики, каким был Шейдеман, должно было оказаться очень лестным. Однако попытка переманить молодого доктора в стан социал-демократов успеха не имела, да и в Гамбурге Рихард после защиты диссертации надолго не задержался.

Его политические взгляды оставались по-прежнему радикально левыми, а потому неудивительно, что очень скоро – 15 октября 1919 года Рихард Зорге стал членом образованной ранее (всего за пять месяцев до этого) КППГ. О том, что происходило после приема, сам он рассказывал следующим образом: «Затем, имея желание перебраться вглубь страны, я получил место учителя в высшей школе в г. Ахене и стал готовиться к отъезду туда, но меня вызвали в Берлин в Центральный комитет партии. После доклада о событиях в Гамбурге мне предложили выполнять различную практическую работу для партии в районе Ахена. Там были сильны позиции рабочих и особенно мощными были организации рабочих-католиков. Вскоре после прибытия в Ахен меня назначили членом городского комитета партии, где я стал отвечать за вопросы партучебы. Одновременно я занимался активной пропагандой среди шахтеров».

Удивительным образом получение Рихардом места преподавателя в Высшей технической школе Ахена совпало с назначением туда на кафедру экономических наук профессора Курта Альберта Герлаха. Зорге был ассистентом Герлаха, в его доме Рихард по вечерам проводил занятия с местными социалистами и коммунистами, которых знакомил с произведениями Маркса, Энгельса, Ленина, а возможно, и своего двоюродного дедушки⁴². Учитывая, что свой партийный билет доктор Зорге в середине октября получал уже в Ахене,

---

⁴² Там же. С. 29.

а чтобы вступить в партию, там его хоть кто-то должен был знать и рекомендовать, получается, что Рихард перебрался туда между 8 августа и 15 октября, но скорее всего в сентябре 1919 года – сразу после получения степени доктора. Если так, то у него не было никаких планов забраться из портового Гамбурга «поглубже» в Германию. Он просто узнал от своего бывшего учителя, что есть вакансия преподавателя-экономиста в Ахене, и отправился туда, чтобы ее занять, благо его сертификат доктора наук позволял ему это сделать. Наконец, в Ахене Зорге не просто вступил в Коммунистическую партию Германии, но и убедил сделать это своего наставника профессора Герлаха. А тот, в свою очередь, предоставил молодому другу свою квартиру для конспиративных лекций по марксизму.

«Вскоре я установил связи с партийными руководителями района Рейнланд в Кёльне. Они часто приглашали меня на свои митинги и попросили принять участие, как я делал это в Гамбурге, в коммунистических изданиях этого района. Однажды, когда редактор коммунистической газеты Золингена находился в тюрьме, два месяца во время школьных каникул, я даже заменял его и редактировал газету. Кроме того, в качестве представителя района Рейнланда я несколько раз принимал участие в заседаниях ЦК по вопросам руководства партией и расширения состава ЦК».

Это была опасная, рискованная работа: уже в начале марта 1920 года, всего через пять месяцев после вступления

Зорге в КПГ, в стране произошла очередная попытка военного переворота, известная в истории как «капповский путч». На местах, там, где позиции мятежников были особенно сильны, начался антикоммунистический террор. В ответ 14 марта коммунисты призвали население фактически к гражданской войне: «Пролетарии города и деревни!.. Поднимайтесь на борьбу против военной диктатуры!.. Требуйте немедленной отставки правительства... разоружения и роспуска рейхсвера и тайной полиции... Немедленной конфискации у буржуазии всего оружия, формирования революционной, надежной рабочей армии под контролем Советов рабочих депутатов»⁴³. Естественно, что Зорге, ставший, как следует из его воспоминаний, известным к тому времени и в Берлине, в ЦК партии, вошел в забастовочный комитет Ахена.

В различных областях Германии коммунистам и их сторонникам удалось вовлечь в забастовку около двенадцати миллионов человек и сформировать боевые дружины. В Рурской области была организована даже Рурская Красная армия. 17 марта стало ясно, что попытка путча провалилась, но и вариант победы коммунистов не устраивал Берлин. Немедленно полиция начала аресты организаторов левых боевых дружин. В Ахене было хорошо известно, что доктор Зорге является одним из вдохновителей забастовки, и через несколько дней он был уволен из Высшей технической

---

⁴³ Там же. С. 29–30.

школы. Самое же печальное, что вместе с ним был уволен его старый друг и покровитель Курт Герлах. Профессор, несмотря на молодые годы (в 1920 году ему исполнилось 34), был уже тяжело болен – он страдал от диабета, и лишение работы отозвалось на его состоянии. До самой смерти он так и не смог найти постоянного места. Его жена Кристина – «очень симпатичная платиновая блондинка с острым носиком», как описывал ее декан кафедры философского факультета Университета имени И. В. Гёте во Франкфурте-на-Майне доктор Макс Хоркхаймер⁴⁴, тоже осталась без средств к существованию. Сам же Зорге решил уйти в подполье настолько глубоко, насколько это было возможно: он стал шахтером.

---

⁴⁴ Herr Sorge saß mit am Tisch: Porträt eines Spions // Der Spiegel. 1951. Nr. 24. 13. Juni. S. 33.

Глава пятая

Подполье для шахтера

Практически весь 1920 год Зорге проработал разнорабочим на шахтах Рурской области. Это была хорошая возможность легального заработка, но дались ему шахтерские деньги очень непросто. За всю жизнь – ни до, ни после этих событий – Рихарду не доводилось сталкиваться с действительно тяжелым физическим трудом. К тому же дала знать о себе искалеченная нога. «Работа была тяжелой, – вспоминал Зорге, – а из-за последнего ранения, полученного мной на фронте, она порой становилась просто невыносимой. Однако я не отступил от своего решения. Опыт работы шахтером был очень ценен для меня, ничуть не уступая опыту, полученному мною на фронте. К тому же моя новая работа отвечала интересам партии».

Действительно, партия могла быть довольна: на шахте, куда устроился рабочим бывший преподаватель, вскоре возникла коммунистическая ячейка. Убедившись, что она «окрепла и развилась», Зорге сменил место работы и отправился дальше, развивая успех. Таким образом, переходя с шахты на шахту, он организовал еще две ячейки. Последующие перемещения вывели коммунистического агитатора за пределы Германии, однако первый опыт зарубежной работы

оказался для Зорге неудачным: «Я пытался действовать тем же методом в угольных районах Голландии, но эта попытка провалилась. Я был быстро разоблачен, уволен с шахты и выслан за границу».

Провалу в Голландии сопутствовала ненужная подпольщику известность в Ахене. Обратно на шахту его уже не брали. Кроме того, район, в котором Зорге пытался найти работу, в то время находился под послевоенной оккупацией Франции и Бельгии, а это значит, управление им осуществляли две власти: гражданская и военная. Представители первой пообещали передать Зорге военным, если он немедленно не уберется восвояси. И Рихард, не желавший попасть под суд военного трибунала за коммунистическую пропаганду, решил далее не испытывать судьбу и перебраться из Ахена в Золинген, где иностранных войск не было, и можно было ожидать значительно более мягкого полицейского режима. Сначала он поселился в соседнем Ремшейде на Аллеенштрассе, 18, а в марте 1921 года – в самом Золингене на Виденштрассе, 19.

На сей раз место оказалось выбрано удачно: знаменитый своими ножами, ножницами и другими режущими инструментами, а также военными предприятиями, Золинген находился еще и неподалеку от крупных химических заводов. Город был переполнен рабочими, испытывшими на себе трудности кризиса военного времени и послевоенного застоя и разрухи. В Золингене даже выпускалась газета мест-

ного отделения КПГ «Бергише арбайтерштимме». Если до этого времени Зорге лишь периодически опробовал свой дар журналиста, то в столице немецких кузнецов и городе «пушечных королей» – семейства Круппов – он стал политическим редактором местного коммунистического рупора. Писал много, а потому часть статей выходила под псевдонимами. Здесь, по некоторым данным, впервые на свет появляется имя «Зонтер», а вместе с ним «Адомль», «Хайнце» и «Петцольд»⁴⁵.

Нельзя не заметить, что социальная пропаганда, в сфере которой Зорге показал себя вполне состоявшимся специалистом, была в те времена не слишком сложна (она остается абсолютно понятна и сегодняшним читателям). Шок от резкого и четкого сопоставления заработков олигархов и трудящихся на их заводах (все в цифрах) усилен «информационным поводом» – Рождеством Христовым, от которого все нормальные люди ждут радости, подарков, сбывающихся надежд. Зорге не дает им расслабиться, и его убийственная критика особенно остра и провокативна из-за приближающихся праздников: «Четырнадцать с половиной миллионов марок дивидендов, с которыми фирма Крупп заверши-

---

⁴⁵ В частности, об этом сообщали Михаил Сергеевич и Мария Васильевна Колесниковы, не приводя, однако, никаких ссылок на первоисточники. В личном деле Зорге в архиве Коминтерна таких данных нет, хотя, вероятно, именно там они должны были бы сохраниться, как сохранились его партийные псевдонимы более позднего периода. См.: Колесников М. С., Колесникова М. В. Рихард Зорге. М., 1971 («ЖЗЛ»). С. 45.

ла год, практически целиком положило себе в карман семейство Крупп. Таким образом, крохотная кучка людей получит в качестве рождественского подарка четырнадцать с половиной миллионов плюс ко всему, что уже имеет, что получает в течение года. Ибо дивиденды – далеко не единственный источник обогащения фирмы Крупп. И все же газеты – “Кёльнише цайтунг”, например, – на все лады расхваливают простоту и умеренность, царящие в семье Крупп, довольствующейся “скромным” жалованьем в четырнадцать с половиной миллионов, в то время как рабочие фирмы получили за последние четыре года в виде зарплаты без малого три миллиарда марок. В пересчете на количество работающих у Круппа, а это около 99 000 человек против 92 000 в прошлом году, получается, ни много ни мало, 7500 марок на каждого рабочего за последние четыре года. Эти “жалкие” 14 500 000 марок, доставшиеся Круппам в виде единовременного поступления, далеко, впрочем, не единственного, встают перед мыслящим рабочим грандиозной социальной проблемой...

Рождество может быть для нас только праздником разоблачения лжи и обмана, которыми буржуазное общество потчует трудящиеся массы. Пусть рождественские торжества станут праздником осмысления великой цели, способной объединить всех нас, – устранение лжи, эксплуатации и угнетения, освобождение пролетариата от оков капитала»⁴⁶.

---

⁴⁶ Мадер Ю. Указ. соч. С. 31–32.

В архиве Золингена сохранились документальные свидетельства того, что «Зонтер» вел не только журналистскую, но и специфическую преподавательскую работу в этом районе. В соседнем городке Олигс доктор Зорге читал курсы лекций «Философские основы общественных наук», «Курс экономики для фабричных советов» и «Что необходимо знать о законе о фабричных советах» в так называемом Народном университете Олигса. Судя по следующему сохранившемуся объявлению ректора университета, это было временное учебное заведение, ставящее целью образование небогатых слоев населения (посетителями первого курса лекций доктора Зорге были 59 человек, почти все – представители рабочих специальностей) фактически собственными средствами и силами: «Французские оккупационные власти предоставили в распоряжение Народного университета несколько помещений лицея. Поэтому прошу Вас возобновить лекции с пятницы, 3 июня 1921 года. Слушатели будут проинформированы через прессу. Прошу также обратить внимание Ваших слушателей на то, что им разрешается пользоваться только главным входом в лицей. Использование бокового входа строго воспрещается»⁴⁷.

Во время летних каникул деятельность преподавателей не прекращалась. Наш герой был единственным обладателем докторской степени на съезде компартии Германии в августе 1921 года. В партии тогда состояло 36 тысяч человек, а округ

---

⁴⁷ Там же.

Северный Рейн – Вестфалия, от которого избирался Зорге, был вторым по числу коммунистов в Германии. На съезде в Йене, среди делегатов которого были Вильгельм Пик, Клара Цеткин и Эрнст Тельман, были представлены отчетные доклады о работе партийных ячеек и отмечена активная деятельность коммунистической прессы, в том числе изданий, с которыми сотрудничал Зорге: «В настоящее время в округе выходят четыре газеты, а именно: “Бергише арбайтерштимме” (Золинген), “Фрайхайт”» (Дюссельдорф), “Рур-эхо” (Эссен) и “Бергише фолькештимме” (Ремшейд). Кроме этого, в районах Хаген и Эльберфельд-Бармен ежедневно выпускается первая страница “Бергише арбайтерштимме” – “Роте трибуне”».

На том же съезде в отчете о репрессиях властей против компартии упоминалось, что «по всей Вестфалии происходили столкновения между агентами полиции безопасности и рабочими. Число погибших в Эссене достигло 21... В районе Мере арестовали всех подозреваемых в принадлежности к компартии, всего около 400 человек... В районе Хаген арестовано более 100 товарищей, в районе Бохум – 34. В Дюссельдорфе бастовало около трети всех рабочих. И здесь арестовано почти 20 товарищей. В районе Ремшейд в забастовках участвовало три четверти всех рабочих. 459 активистов понесли наказание, 10 товарищей предстали перед судом»⁴⁸. Зорге репрессии не коснулись, но интерес у поли-

---

⁴⁸ Там же.

ции он вызвал. Против него было возбуждено дело о незаконном получении ученой степени доктора, и ему несколько раз пришлось побывать на допросах в прокуратуре. После задержания в Берлине, ареста в Голландии и, возможно, еще во время службы в армии⁴⁹ это стало самым серьезным столкновением с правоохранительными органами. Оно неминуемо должно было оставить след в архивах прокуратуры и полиции Германии, и, думается, Зорге никогда не забывал об этом. Ему надо было принимать срочное решение относительно своего будущего, несмотря на то, что обвинения в незаконном ношении докторской степени развалились. Самым проверенным способом были отъезд и срочная смена места жительства. Вот только на этот раз ситуация осложнялась тем, что Зорге был уже не один.

В мае 1921 года в Золингене завершилась странная интрига его сосуществования с семьей Герлах. Мучившийся диабетом профессор Курт Альберт был уже совсем плох, а его супруга не стала скрывать от мужа чувств к Зорге, тем более что они уже имели довольно продолжительную историю. По воспоминаниям Кристины, Зорге впервые появился у них дома в Аахене задолго до его перевода туда – еще в начале 1919 года. Она открыла дверь позднему посетителю, и: «Снаружи стоял Ика. Меня как будто пробило молнией. В единое мгновение во мне пробудилось что-то до сих

---

⁴⁹ Колесниковы указывают, что Зорге задерживался полицией еще и в Золингене. См.: Колесников М. С., Колесникова М. В. Указ. соч. С. 45.

пор спавшее, что-то опасное, темное, неизбежное...»⁵⁰ Дальше вполне осязаемо возникает картина непростого семейного конфликта: «Мой муж с любовью и с большим вкусом оставил наш дом – теперь он вдруг заговорил о разводе... Ика никогда ни на чем не настаивал, люди сами тянулись к нему, и мужчины, и женщины... В разладе сама с собой, разрываясь от любви к обоим, я уехала к своей мачехе в Южную Германию... Он и мой муж продолжали оставаться друзьями даже после того, как муж узнал о наших отношениях».

Жившие в близком соседстве и работавшие вместе в Киле, Ахене и теперь в Золингене, Герлахи и Зорге должны были определиться с тем, как быть дальше. Отношения Кристины и Рихарда стали еще теснее после того, как она решила защитить диссертацию. Это был не только (а возможно, и не столько) брачный союз, сколько характерный для определенной группы молодых людей того времени – настоящих революционеров абсолютно во всем – союз товарищей по взглядам, убеждениям, отношению к миру. Во всяком случае, со стороны Зорге. В октябре 1919 года, когда фактически началась его семейная жизнь с Кристиной, он в письме своему старому фронтовому другу Эриху Корренсу сделал шокирующее, по сегодняшним понятиям, признание: «Никоим образом, даже внутренне, я не испытываю нужды в другом человеке, чтобы быть способным жить; я имею в виду действи-

---

⁵⁰ Цит. по: *Ваймант Р.* Сталинский разведчик: Рихард Зорге и его токийская группа. М., 2018. С. 28.

тельно жить, а не произрастать. У меня более нет никаких привязанностей. Я настолько лишен корней, что чувствую себя по-настоящему дома лишь в пути»⁵¹.

Для отказавшегося от «корней и привязанностей» Зорге с Кристиной его теперь сближала диссертация. Тема была выбрана необычная, даже провокационная: «Лев Толстой как социолог», и случилось это, вероятно, не без влияния друга из «Баку, Россия». «Дважды в неделю, – вспоминала Кристина, – я ездила в Кёльн на занятия семинара по социологии, а дома работала над диссертацией. Когда подошло время сдавать устный экзамен, Ика стал меня натаскивать. Просто удивительно, как его острый ум мгновенно схватывал самую суть. С его помощью летом 1922 года я выдержала кандидатский экзамен»⁵².

Нет никаких сомнений в том, что Рихард действительно очень серьезно помогал Кристине, библиотекарю по образованию, в написании диссертации⁵³. Сам Зорге в это время

---

⁵¹ Там же. С. 29.

⁵² Мадер Ю. Указ. соч. С. 34.

⁵³ Юлиус Мадер приводит, например, фрагмент, в котором, по его мнению, ясно чувствуется рука Зорге: «Ясно видна почва, на которой взошли ростки социальной политики Толстого. Русское крепостное право после 130-летнего господства уже вступило в последнюю треть своего существования, когда рос и мужал Лев Николаевич Толстой, потомок союза двух помещичьих семей – графской и княжеской, рос в условиях экономической формации, в которой одним принадлежали все права, а другие не имели абсолютно никаких. Моральное и социальное значение этого состояния заключалось в том, что крестьянин действительно принадлежал душой и телом своему господину, который мог его продать, по-

работал над своей первой монографией: «“Накопление капитала и Роза Люксембург”. С пояснениями для рабочих». Она вышла в свет годом позже – в 1922 году, когда он еще оставался в Золингене и когда Кристина защищала свою диссертацию. Тогда же, в октябре 1922-го, Зорге снова загадочным образом сменил место жительства. Сам он писал, что его вызвали в столицу. «Я уехал в Берлин, и там в Центральном комитете обсудили вопрос о моей будущей партийной деятельности. В ЦК предложили мне оплачиваемую работу в руководящих органах партии, однако я отказался, поскольку предпочитал набрать побольше практического опыта и в то же время хотел закончить образование. Друзья предложили мне должность ассистента на социологическом факультете Франкфуртского университета и одновременно быть там внештатным преподавателем. Руководство партии одобрило эту идею и поручило мне активную работу в парторганизации Франкфурта».

На первый взгляд все в этом объяснении просто и логично: товарищ по партии проявил выдающиеся способности в деле организации рабочего движения и коммунистической прессы. Это было отмечено на Йенском съезде КПП, и теперь этому товарищу предложили повышение. Он отказался («пока не достоин»), и ему через знакомых подыскали место в Университете имени И. В. Гёте во Франкфурте-на-Майне –

на социологическом факультете. Но именно в это время назначение на должность директора Франкфуртского института изучения социальных исследований получил... Курт Альберт Герлах, все еще юридический муж фактической жены Зорге⁵⁴. Поверить в то, что предложение ЦК и одновременное назначение в этот же город Герлаха – снова лишь случайное совпадение, вряд ли у кого-то получится. Тем более что этот самый институт, директором которого был назначен Герлах, вскоре оказался ассоциирован с Университетом имени Гёте, где преподавал Зорге. Правда, на этот раз переехать втроем им не удалось. Неясно даже, успел ли сам Герлах узнать о своем назначении: старый товарищ, ставший теперь «родственником» Зорге, умер в Золингене осенью 1922 года.

Существует и другая версия случившегося. Если до сих пор профессор Герлах помогал молодому другу в продвижении по служебной лестнице, то, возможно, теперь ситуация повторилась с точностью до наоборот. Во всяком случае, Юрий Георгиев считал, что в 1922 году именно Зорге стал одним из создателей-учредителей Института социальных проблем во Франкфурте, официально открытого двумя годами позже, а это может означать, что он, а не тяжелобольной к тому времени Герлах, выступал организатором служебных перемещений их обоих⁵⁵. Рихард стал участни-

---

⁵⁴ https://de.wikipedia.org/wiki/Kurt_Albert_Gerlach. Дата обращения 12.12.2016.

⁵⁵ Георгиев Ю. В. Рихард Зорге: Исследователь, разведчик, геополитик. М.,

ком «первой марксистской недели» в Ильменау, неподалеку от Франкфурта, на которой и было решено создать единый центр исследований марксизма (Зорге и Герлах числились среди соучредителей). Им в итоге стал Франкфуртский институт социальных исследований, а что касается встречи в Ильменау, то тут есть интересная деталь: на сохранившемся фото участников того «форума молодых коммунистов» присутствует и делегат из Японии, выпускник юридического факультета Токийского императорского университета Кадзуо Фукумото, который находился в то время в Германии в научной командировке. Юрий Георгиев установил, что «Фукумото заинтересовался здесь трудами Розы Люксембург и взглядами левых марксистов... Вернувшись в Японию, он примкнул к КПЯ [Коммунистической партии Японии] и вошел в ее руководство. Под его влиянием в рядах японских коммунистов возникло левацкое течение, характеризовавшееся приоритетом идеологической борьбы и получившее название “фукумотоизма”. В 1927 году левацкие идеи Фукумото были раскритикованы Н. И. Бухариным... Фукумото вместе с другими руководителями КПЯ был вызван в Москву, где вынужден был выступить в Коминтерне с покаянной самокритикой»⁵⁶.

Весьма странно, что Георгиев выразил сомнения в самом

2000. С. 12.

⁵⁶ Там же. Стоит заметить, что Фукумото, несмотря на разгром его учения (а скорее всего, именно благодаря этому), благополучно пережил все трудности довоенного периода, войну и умер в 1983 году в возрасте девяноста девяти лет.

факте знакомства Зорге и Фукумото, учитывая, что на фото всего 19 человек, из которых один ребенок, и все они – учредители франкфуртской марксистской школы и участники первой «марксистской недели» – попали в кадр явно не случайным образом. Кроме того, упоминание о том, что Фукумото заинтересовался в Германии работами Розы Люксембург, тоже очень важно. Именно этим и именно в это время самым непосредственным образом занимался Зорге: «В 1922 году я написал памфлет под названием “Накопление капитала и Роза Люксембург”, в котором критиковал ее теорию. Я выполнил это теоретическое исследование, но мои методы обращения с трудными вопросами были слишком грубыми и незрелыми. Этот памфлет *был полностью сожжен нацистами*, и сейчас я рад, что не осталось ни одного его экземпляра».

Зорге ошибался: экземпляр «Концентрации капитала...»⁵⁷ сохранился, и далеко не один. В 1924 году книга Зорге была переведена и издана в Советском Союзе, в Харькове, с подзаголовком «Популярное изложение Р. И. Зорге»⁵⁸. Не вдаваясь в детальный анализ, несколько слов о первой книге Зорге стоит сказать. Прежде всего следует помнить, что «Р. И. Зорге» все же не имел общего высшего образования, а

---

⁵⁷ Точнее – «Накопление капитала...» См.: *Sorge R. I. Rosa Luxemburg's Akkumulation des Kapitals*. Solingen, 1922.

⁵⁸ *Георгиев Ю. В.* Рихард Зорге: Исследователь, разведчик, геополитик. С. 14–20.

что касается марксистской теории, то его знания на момент написания книги можно считать обрывочными, неточными и довольно поверхностными – несмотря на то, что он сам ту же теорию в это же время и преподавал. Сам доктор это признал в «Тюремных записках», но и в 1921 году он достаточно хорошо осознавал, что ему не хватит знаний, чтобы рассмотреть теорию Розы Люксембург с научной точки зрения. Поэтому он и избрал ту форму подачи материала, которая в советском издании книги Зорге была названа «популярным изложением». На практике это означало, что он «с немецкой пунктуальностью» пересказал основные положения работы Розы Люксембург о необходимости преобразования капитализма в социализм революционным путем, не зная о ее серьезной критике со стороны В. И. Ленина. Оговорка самого Зорге о том, что он якобы критиковал теорию Люксембург, скорее выражает его отношение к ее книге 20 лет спустя, а не в «режиме реального времени». Он действительно не был полностью согласен с немецкой гранд-дамой марксизма, но, безусловно, признавал важность ее работы даже с теми недостатками, который мог заметить благодаря своему опыту практической работы и первым своим попыткам аналитической оценки развития капитализма в Германии. Сознал Зорге и разницу в своем положении «молодого товарища по партии» с неколебимыми позициями одного из вождей КПП, а потому воздержался в своей книге от дискуссий с Люксембург, лишь намекая на то, что у него есть вопросы: «Там, где

критическое исследование вопроса привело бы к постановке целого ряда вопросительных знаков даже в изложении самой Розы Люксембург, автор, чтобы избежать дальнейших трудностей для читателя, поставил, фигурально выражаясь, ряд восклицательных знаков»⁵⁹.

Фактически Зорге в своей первой книге выступил не теоретиком марксизма и даже не его начинающим критиком. Он стал как бы передаточным звеном между опытными теоретиками, чьи труды, однако, было сложно разобрать и понять недостаточно образованным массам пролетариев, и этими самыми массами, для которых и «растолковывались» работы классиков научного коммунизма в еще не существовавшем тогда (по крайней мере формально) стиле «научпоп». Зорге на бумаге продолжил заниматься тем, чем он занимался в аудиториях Киля, Гамбурга, Ахена и Золингена, но, очевидно, с немалым удивлением узнал, что слово печатное резко отличается от слова, высказанного в устном общении, пусть и перед большим количеством собравшихся. Вот почему его не устроила собственная первая книга и почему он вспоминал о ней два десятилетия спустя не без некоторого стыда: она была очевидно несовершенна.

Он догадывался (не зная еще точно, ибо не читал критики Ленина), что книга Люксембург недостаточно исчерпывающе и актуально освещает проблемы борьбы капитализма и коммунизма. Но точно так же Зорге знал и то, что в

---

⁵⁹ Там же. С. 17.

его изложении теория Люксембург становится понятна его менее подкованным товарищам по партии. Кроме того, мимо его взгляда не прошли некоторые особенности идей Розы Люксембург, выгодно выделяющие их для современного читателя в сравнении с более классическими работами Маркса и Энгельса. Например, в соответствии с теорией Люксембург, империализм уже якобы находился в такой стадии «загнивания», когда требовалась лишь решительность, чтобы подтолкнуть его и ускорить гибель «мировой буржуазии». В деятельных и боевитых коммунистов, с которыми много работал Зорге, подобная трактовка не могла не вселять оптимизма, им было приятно верить в то, что торжество их усилий, победа – не за горами. И только самые проницательные из них, и наш герой в том числе, вплотную подошли к тому, чтобы начать понимать разницу между надеждой на скорый крах капитализма и значительно более сложной реальностью.

У Рихарда Зорге хватило ума и такта, чтобы заметить недостатки работы вождя рабочего класса, но обратить внимание на них лишь того читателя, кто был готов эти недостатки правильно осмыслить. Он дистанцировался от «тех крайностей ее теории, которые получили название “люксембургизма”, т. е. прежде всего от прогнозов о быстром и “автоматическом” крахе капитализма из-за его трудноразрешимых экономических противоречий. Однако это стремление носило пока еще очень робкий и в значительной степе-

ни “интуитивный” характер»⁶⁰. Автор не хуже других видел недостатки своей первой научной работы, а с годами понимал их все лучше и лучше. Но все же он сделал этот первый шаг, и с 1922 года его жизнь в очередной раз изменилась. Он вошел в число не только практиков-подпольщиков компартии Германии, но и стал известен в определенных кругах как один из молодых теоретиков марксизма. Легко заметить, что на этом этапе он пошел практически по следам своего знаменитого двоюродного деда, тоже когда-то перешедшего от практики к теории. Вот только в отличие от Адольфа Зорге, уехавшего в Америку, путь Рихарда лежал в прямо противоположном направлении. Мистики сказали бы, что его встречей в Ильменау с Фукумото этот путь был предопределен (а возможно, этот путь был предопределен еще раньше, ведь ректор университета, где наш герой защищал диссертацию, профессор Карл Ратген, также занимался проблемами японской экономики и даже преподавал в Токийском университете)⁶¹, но Зорге в мистику не верил. Для начала он вместе с молодой женой отправился во Франкфурт-на-Майне.

---

⁶⁰ Там же. С. 19.

⁶¹ https://en.wikipedia.org/wiki/Karl_Rathgen. Дата обращения 12.10.2017.

Глава шестая

Русские с орешками

Необыкновенно насыщенная жизнь Зорге в 1917–1924 годах в Германии, как правило, уходит от внимания исследователей, оттесненная в сторону восьмилетней эпопеей резидентуры «Рамзай» в Токио. Да, в историю наш герой действительно вошел как выдающийся разведчик, резидент штаба советской Красной армии в Японии – это справедливо, и ничего с этим не поделаешь. И в этой книге нам не избежать того же повышенного внимания к финальной части биографии доктора Зорге, а не к его, надо признать, очень эффектному старту в германском рабочем движении. Но даже в связи с успехами Зорге в Японии нельзя не отметить, что его бурная деятельность на второй родине в начале 1920-х годов прошла в стороне от внимания местной полиции, почти не оставив следов в городских архивах. А приглядеться полиции было к чему. День за днем, год за годом доктор Зорге становился все более заметной фигурой среди немецких марксистов. Происходили столкновения с властями, он не раз задерживался стражами порядка, но не прекращал работу, а лишь становился опытнее в конспирации. «Засветившись» в одном городе, с легкостью менял места проживания, благодаря отсутствию единой базы данных, оставаясь неза-

метным для германских правоохранительных органов в целом, начиная все заново и действуя со все большей изощренностью. В очередной раз его активность возросла с переездом во Франкфурт-на-Майне в октябре 1922 года.

Той осенью Германия вновь балансировала на пороге революции, компартия подталкивала страну к гражданской войне, ответные репрессии становились все жестче, и подпольщикам типа Зорге приходилось брать на себя все новые и новые обязанности. Рихард, имевший репутацию опытного и проверенного «товарища», во Франкфурте сразу вошел в состав городского комитета Коммунистической партии. Зонай его ответственности были выбраны, как и прежде, образование молодых партийцев, консультирование и редактирование местной коммунистической прессы. Судя по его воспоминаниям, этим, хорошо знакомым ему делом доктор занимался около года. В этот же период, в конце мая 1923 года, состоялась вторая по счету «марксистская неделя» в Ильменеау, в которой участвовали и Рихард, и Кристина. Причем Зорге выступил с отдельным докладом, в котором критиковал взгляды своего однопартийца Карла Корша⁶². Последо-

---

⁶² Об этом свидетельствует приглашение на «марксистскую неделю», отправленное из Франкфурта Рихардом Зорге в адрес Гертруды Александер 9 мая 1923 года, которое также содержало программу будущей встречи: «I. О способах истолкования проблем современного кризиса (вступительное слово – Людвиг); II. К вопросам метода (Лукач и Корш); III. Организационные проблемы марксистского исследования (Фогараши)». Цит. по: *Дмитриев А. Н.* Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа. СПб.; М., 2004. С. 225.

вавшее вскоре осложнение экономической и внутривнутриполитической обстановки в Германии было на руку коммунистам. Число их приверженцев росло, и сама численность КПГ чуть больше чем за полгода взлетела почти вдвое: с 225 тысяч человек в январе до 400 тысяч осенью. Партия располагала информационным ресурсом в виде сорока двух газет, с некоторыми из которых был связан Зорге, двадцатью типографиями и распространяла свою продукцию через 20 собственных книжных магазинов⁶³.

Коммунисты были готовы к восстанию, но так и не решились на слаженные действия по всей стране, несмотря на то, что в некоторых регионах, в том числе в Гамбурге, все же произошли выступления. Через три дня мятеж был подавлен, а еще через две недели впервые во весь голос заявили о себе нацисты во главе с Гитлером. Важное замечание: коллега Зорге по разведывательной работе Рут Фишер вспоминала, очевидно на основе рассказов самого Рихарда, что уже в то время он очень интересовался различными аспектами национализма, одновременно дрейфуя от теоретических штудий к анализу полученных знаний на практике: «Он стал уделять очень мало внимания марксистской теории и все свое время посвящал изучению современной политики. Он удивлял своих товарищей-марксистов тем, что особенно интересовался нацизмом, фашизмом и антисемитизмом. Он изучал

---

⁶³ Всемирная история. Т. 21: Мир в период создания СССР. Минск; М., 2000. С. 332.

эти вопросы в архивах и стал одним из самых информированных экспертов по нацизму, который еще не был правящей идеологией в Германии, и ученые-марксисты не видели необходимости подробно его изучать»⁶⁴.

В ноябре 1923 года компартия Германии была запрещена и ушла в подполье. Зорге, умудрившийся за год, прошедший после переезда во Франкфурт, не «засветиться» перед местной полицией, оказался в такой ситуации одним из немногих людей, которым подпольщики могли доверить самое ценное: информацию и деньги. Сам доктор вспоминал: «Благодаря тому, что мое имя не было хорошо известно властям во Франкфурте, я имел возможность с большой пользой трудиться для партии. Я вел секретное делопроизводство и регистрацию членов партии, а также обеспечивал тайную связь между ЦК в Берлине и организацией во Франкфурте. Партийные средства и пропагандистские материалы посылались на мой адрес. Крупные посылки я скрывал в учебных аудиториях в ящиках для угля или прятал в моем кабинете и библиотеке социологического факультета университета. Кроме меня там же работали два-три члена партии, поэтому не было нужды бояться разоблачения. Таким образом, мы сохраняли деньги и материалы, поэтому в случае необходимости в них руководящих органов их можно было быстро изъять и использовать. Несмотря на то, что компартия была запре-

---

⁶⁴ Herr Sorge saß mit am Tisch: Porträt eines Spions // Der Spiegel. 1951. Nr. 24. 13. Juni. S. 33.

щена, благодаря такой системе во Франкфурте деятельность партии ничуть не сократилась. Когда в Саксонии в результате вооруженного восстания была установлена рабочая республика, я по решению партии постоянно поддерживал с ней тайную связь. Выполняя специальные задания, я часто посещал Саксонию и доставлял важные указания и распоряжения по политическим и организационным вопросам, которые партия направляла через нас во Франкфурт»⁶⁵.

Восстание в Гамбурге возглавил местный уроженец, в прошлом моряк и кочегар, артиллерист (как и Рихард) во время Первой мировой Эрнст Тельман. Он был знаком с Зорге с 1919 года по совместной работе. Теперь Тельман стал членом ЦК партии, а Зорге – курьером, обеспечивающим его связь с Берлином и Франкфуртом. Зорге в то время работал под псевдонимом «Роберт» (Тельман – «Тэдди»)⁶⁶. Советский профессор Д. С. Давидович в годы, когда все новые и новые публикации о Зорге появлялись с завидной регулярностью, писал: «Как установлено по неопубликованным архивным документам, в бурном 1923 году Рихард Зорге, ставший впоследствии замечательным советским разведчиком, являлся связным между Тельманом и ЦК КПП. В письме в ЦК КПП от конца октября 1923 года Тельман сообщает, что партийная организация Гамбурга после прекращения восстания перешла на нелегальное положение, и

---

⁶⁵ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 584.

⁶⁶ *Мадер Ю.* Указ. соч. С. 36.

указывает гамбургский адрес Рихарда Зорге в качестве явочной квартиры курьеров ЦК КПГ, куда следует в дальнейшем направлять партийные материалы для Приморья»⁶⁷. Однако что это за «неопубликованные архивные документы», мы до сих пор не знаем.

Большевистский накал, неизбежный в повествовании о тех днях, несколько сбивает, а может быть, наоборот, дополнительно оттеняет рассказ другого доктора Зорге – Кристины (так как она успешно защитила диссертацию «по Льву Толстому», то и ее теперь так называли): «Я тоже работала в институте социологии (Рихард по-прежнему был его штатным преподавателем и, вероятно, рекомендовал на работу жену. – А. К.). В парке возле особняка какого-то франкфуртского патриция нам, несмотря на инфляцию и трудности с жильем, удалось отыскать пустующую конюшню с жилыми помещениями для конюхов. Мы переделали все это в оригинальный летний домик; один из друзей, художник, выкрасил в нем комнаты: одну в красный, другую в желтый, а третью в голубой цвет.

Марксизм Ики, к счастью, не исповедовал аскетизм и бедность, хотя у него никогда не было стремления ни к деньгам, ни к имуществу... Он любил глубокую русскую печаль, был отзывчивым, но без сентиментальности, помогал коллегам в трудные дни и с жаром писал о пролетариях. Разумеется, он приводил с собой гостей из числа коллег по работе в

---

⁶⁷ Давидович Д. С. Эрнст Тельман: Страницы жизни и борьбы. М., 1969. С. 150.

редакции: они выпивали, много курили... Он любил кошек и собак и играл с ними, как мальчишка... Не будучи особо разборчивым в еде он, тем не менее, с удовольствием готовил. Его меню было не очень обширным, однако определенно больше моего... Если блин разваливался, он мрачнел, его не утешало даже, если я называла бесформенное произведение его кулинарного искусства королевским блюдом».

Весьма любопытны в связи с этим и воспоминания Хедэ Массинг, австрийской актрисы и агента советской разведки, скорее всего именно в это время вхожей в дом Зорге: «В их квартире была сосредоточена жизнь их друзей и единомышленников. Я помню, что кругом была старинная, антикварная мебель, которая досталась Кристине от ее первого мужа, солидного ученого. Здесь была чудесная коллекция современных картин и редких гравюр. Меня потрясала легкость, с которой проходила жизнь в этом доме. Мне нравилось сочетание серьезных бесед и дружелюбной атмосферы». Хедэ одной из первых обратила внимание еще на одно из главных качеств будущего разведчика, о котором будут писать многие введенные в заблуждение «некоммунистическим обликом» Зорге: «Ика предпочитал простую, неофициальную одежду, был гурманом и знатоком вин, любил рассказывать забавные истории о животных. Он, еще меньше, чем Кристина, был похож на типичного коммуниста. Из всего их круга у супругов Зорге были самые развитые такт и вкус. Они

оба мне очень нравились» ⁶⁸. Ничего пролетарского, ничего фанатичного – во всяком случае, в коммунистическом духе, наоборот, легкий налет аристократизма германского буржуа, наслаждавшегося собой и жизнью. Разве можно этому не симпатизировать?

Не слишком похожая на коммунистку платиновая блондинка Кристина Зорге успешно старалась быть под стать своему одновременно светскому и демократичному в манерах супругу, устроив в их доме нечто вроде салона: «По вечерам у нас собирались художники, музыканты и литераторы, из которых иные были уже признанными мастерами или же стали таковыми впоследствии – Хиндемит, Георг Грос, Дрёммер... В это же время у нас впервые появились русские. Вспоминаю себя сидящей на нашей лиловой софе и грызущей орехи, которые они принесли с собой...» Скорлупу русские бросали прямо на ковер, что, вероятно, расценивалось хозяевами как признак свободных взглядов на буржуазные предрассудки.

Упоминание о русских относится к 1923 году – самому напряженному времени в истории германской компартии. В это время во Франкфурте побывало немало приезжих из Москвы. Орехами Кристину мог угощать директор Института Маркса и Энгельса Давид Рязанов. Давид Борисович Гольдендах (таково было его настоящее имя) действительно

---

⁶⁸ Herr Sorge saß mit am Tisch: Porträt eines Spions // Der Spiegel. 1951. Nr. 24. 13. Juni. S. 34.

являлся крупным теоретиком марксизма, но до 1917 года в его биографии числились подполье, аресты, суды, тюрьмы, а главное (в нашем случае), он имел огромный опыт работы пропагандистом, лектором, журналистом партийных изданий, в том числе «Правды». Он серьезно занимался исследованием архивов Маркса и Энгельса и вполне мог обратиться к Рихарду за помощью в получении переписки Фридриха Адольфа Зорге с отцами-основателями Интернационала. Как мы помним, Зорге-младший настолько понравился Рязанову, что тот пригласил его в Москву, на работу в Институт Маркса и Энгельса, но КППГ не отпустила Рихарда. И все же его бурная жизнь на второй родине, в Германии, неумолимо подходила к концу.

7 апреля 1924 года в Оффенбахе и Франкфурте-на-Майне начался очередной, девятый по счету, съезд Коммунистической партии Германии. После недолгого запрета КППГ только что вновь вошла в список легальных оппозиционных партий, но попытка революции 1923 года стала германским властям хорошим уроком. Отныне вся деятельность коммунистов находилась под еще более плотным контролем полиции, чем раньше. Чтобы «растворить» делегатов съезда, организаторы специально подобрали время: в начале апреля во Франкфурте проходила крупная международная выставка прессы, на которую съехалось множество гостей и участников со всей Европы. Самим делегатам коммунистического съезда было объявлено: «К сожалению, имена ораторов

не могли быть зафиксированы в протоколе, поскольку существуют не только приказы об аресте всех руководящих товарищей, но и верховным прокурором рейха готовится грандиозный процесс против всего партийного руководства, и мы не хотели бы стать невольными помощниками законников в их нечистоплотных делах». Что же касается итогов съезда, то они были подведены в заключительной части программы и зафиксировали провал попытки переворота с, как водится, одновременными оптимистичными призывами: «Съезд партии извлек уроки из октябрьского поражения... Довольно сокрушаться по поводу упущенных возможностей и сданных позиций. Рабочий класс Германии идет по пути пролетарской революции, и этот путь пролегает через победы и поражения. Рабочий класс Германии невозможно победить раз и навсегда»⁶⁹.

Зорге во время съезда был по горло завален не только партийной (разумеется, он тоже был делегатом), но и организационной работой: «Когда в 1924 году [так в тексте] состоялся съезд компартии во Франкфурте-на-Майне, для участия в нем в качестве представителей Коминтерна нелегально прибыли советские коммунисты. По решению руководства мне было поручено осуществлять их личную охрану. Во время съезда я обеспечивал безопасность этих важных делегатов, занимался их размещением и делал все, чтобы они могли спокойно заниматься делами. В это время Германская ком-

---

⁶⁹ Мадер. Ю. Указ. соч. С. 38.

мунистическая партия столкнулась с серьезными политическими трудностями, почему Коминтерн и послал к нам четырех человек – Пятницкого, Мануильского, Куусинена и Лозовского.

Я был одним из делегатов съезда, а кроме того, выполняя это нелегкое поручение, старался полностью удовлетворить нужды закрепленных за нами делегатов. Нечего и говорить, что у меня с представителями Коминтерна установились очень тесные отношения, и день ото дня они становились все более дружественными. При закрытии съезда они предложили мне приехать в этом году в Москву и поработать в штаб-квартире Коминтерна, но я не смог тогда выехать в Москву, так как сразу после Франкфуртского съезда я должен был участвовать в целом ряде совещаний по проблемам организационной и информационной работы»⁷⁰.

В процессе обеспечения безопасности советской делегации Зорге особенно близко сошелся с товарищами из Москвы. По сведениям Мадера, он предоставил для их проживания свою квартиру, так как якобы соседи Зорге уже давно привыкли к тому, что в ней часто появлялись незнакомые люди, да и хозяева не спали ночи напролет. Заботу о гостях взяла на себя Кристина, которую теперь часто называли Икареттой, сделав ее имя производным от детского имени мужа⁷¹

---

⁷⁰ Там же. С. 39.

⁷¹ Herr Sorge saß mit am Tisch: Porträt eines Spions // Der Spiegel. 1951. Nr. 24.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.